

Проблема правового социализма ¹⁾

(Эволюция социализма)

ГЛАВА III.

ВЫРОЖДЕНИЕ РЕАЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ ВЪ ЧИСТОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМЪ

8

Но вотъ, правда не тамъ, гдѣ того ожидали теоретики марксизма, не въ « созрѣвшей для социализма », а въ экономически отсталой странѣ, марксизмъ дѣйствительно завоевалъ государственную власть. Новый, коммунистическій строй самъ собою не вышелъ изъ стараго порядка. « Пролетарской государственной власти » пришлось строить его въ духѣ революціоннаго марксизма, т. е. методами чистаго отрицанія капиталистическаго строя, руководясь вмѣсто « утопической живописи » тѣмъ въ сущности единственнымъ положительнымъ указаніемъ въ немъ, какое дано въ извѣстныхъ словахъ « Коммунистическаго Манифеста » : « Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительно какъ представитель всего общества, есть овладѣніе во имя всего общества средствами производства ». Мы отнюдь не собираемся въ дальнѣйшемъ излагать и подвергать критикѣ эволюцію большевицкой диктатуры и ея идеологіи. Мы ограничиваемся здѣсь лишь нѣкоторыми пунктами, которые безспорно вытекаютъ изъ самаго существа доктрины революціоннаго марксизма и потому не могутъ быть вмѣнены условіямъ военнаго времени, хозяйственной разрухѣ и другимъ для диктатуры пролетаріата « случайнымъ обстоятельствамъ ». Къ тому же мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, какъ фактически осуществлялась программа пролетарской диктатуры.

1) «Современн. Записки» № XXVII.

Задача наша здѣсь сводится къ тому, чтобы показать, что даже осуществленная наилучшимъ образомъ « диктатура пролетаріата » способна только разрушить старый порядокъ, но не способна создать никакого новаго общественнаго строя. Безсиліе это вытекаетъ изъ самаго существа революціоннаго марксизма какъ чистаго (хотя бы реальнаго) отрицанія. Этимъ подтвердится высказанный нами ранѣе взглядъ 1), что утопизмъ — въ силу мнимой положительности ставимой себѣ цѣли — по необходимости развиваетъ однѣ только силы разрушенія и есть на дѣлѣ лишь тотъ таранъ, которымъ исторія пользуется для того, чтобы снести не поддающееся перестройкѣ общественное зданіе. Но такъ какъ разрушеніе очень скоро должно себя исчерпать, то и идеологія разрушенія не можетъ оставаться сама собою. Поэтому и принципъ чисто отрицательнаго блага, который марксизмъ перенялъ у своихъ предшественниковъ — утопистовъ и который удовлетворялъ, пока онъ оставался революціонной партией, не могъ оставаться самимъ собою въ осуществляющемъ диктатуру большевизмѣ. Путь въ сторону Права былъ закрытъ всѣмъ прошлымъ революціоннаго марксизма, существо котораго заключалось именно въ отрицаніи Права. Такъ неизбежно большевизмъ долженъ былъ наполнить идею Блага какимъ то положительнымъ содержаніемъ, т. е. обнаружить себя, какъ явный и неприкрытый консерватизмъ. Однако, и положительное содержаніе консерватизма (историческое, національное или религіозное Благо) тоже было для него закрыто. Оставалось идеологически прикрыться *личной* положительнаго Блага (придать чистому отрицанію видимость положительнаго содержанія), практически же превратиться въ совершенно безпринципный оппортунизмъ. Написать исторію этого вырожденія утопизма въ оппортунизмъ и революцію въ реакцію не настало еще время. Мы и не предполагаемъ здѣсь ее давать. Мы хотѣли бы только показать, какъ уже въ самой теоріи революціоннаго марксизма заложена судьба, постигшая на дѣлѣ большевизмъ : судьба вырожденія социализма въ грубую поддѣлку консерватизма.

Огосударствленіе всѣхъ орудій производства есть мѣра, не только осяцанная текстомъ « Коммунистическаго Манифеста ». Она необходимо вытекаетъ изъ самаго существа марксизма, изъ того, чѣмъ именно « научный » социализмъ отличается отъ утопическаго. Вѣдь если путь къ безгосударственному и сверхправовому состоянію общества лежитъ черезъ диктатуру пролетаріата, т. е. завоеваніе, а не простое сверженіе (какъ въ анархиз-

1) Срв. « Крушеніе утопизма », « Совр Зап. », XIX.

мѣ) пролетариатомъ — политической власти, и если политическая власть есть только орудіе и выраженіе экономической власти, то кому, какъ не государству, остается овладѣть « во имя всего общества » средствами производства ? — Этотъ выводъ до того неизбеженъ, что огосударствленіе средствъ производства считалось до войны всѣми ортодоксальными марксистами самымъ существомъ социализма, которымъ именно социализмъ отличается отъ всѣхъ другихъ революціонныхъ ученій. « Переходный періодъ » пролетарскаго государства какъ то совсѣмъ затмилъ собою послѣднюю цѣль социализма — безгосударственное и сверхправовое состояніе, о которомъ съ такою настойчивостью говорили Марксъ и Энгельсъ. Когда Ленинъ, которому, впрочемъ, пришлось осуществлять именно огосударствленіе и крайнюю диктатуру, вновь выдвинулъ отрицаніе государства и права какъ основную цѣль социализма, — это старымъ марксистамъ показалось ересью. А среди « буржуазныхъ » исследователей только недавно Новгородцевъ и Кельзенъ 1) вновь не безъ удивленія « открыли » эту анархическую сторону марксизма: до того « Эрфуртская программа » съ ея въ центрѣ стоящимъ огосударствленіемъ вытѣснила въ общемъ мнѣніи « Коммунистическій Манифестъ ». Надо сказать, что — вопреки вышедшей въ самый канунъ октябрьской революціи книжкѣ Ленина — огосударствленіе считалось и всѣми большевиками, въ томъ числѣ и самимъ Ленинымъ, самой сутью социализма. Считалось, что когда государство овладѣетъ всѣми орудіями производства, оно — благодаря этому самому овладѣнію — отомретъ, перестанетъ быть государствомъ, вполнѣ сольется съ обществомъ, такъ что огосударствленіе и станетъ обобществленіемъ.

Нынѣ даже трудно себѣ представить, какъ можно было считать огосударствленіе хоть сколько-нибудь разрѣшающимъ проблему социализма. И потому мы въ дальѣйшемъ будемъ не столько доказывать внутреннее безплодіе огосударствленія (это значило бы ломиться въ открытую дверь), сколько постараемся вскрыть его предпосылки, тѣсную логическую связь его со всѣмъ арсеналомъ старыхъ понятій, которыя съ огосударствленіемъ должны быть вмѣстѣ признаны или вмѣстѣ отвергнуты. Признавать огосударствленіе можно только тогда, если считать, что все существо подлежащей уничтоженію « аксиоматіи » сводится хотя бы « въ послѣднемъ счетѣ » къ присвоенію прибавочной цѣнности. Въ предыдущей статьѣ 2) мы дали эмпирическое описа-

1) Въ цитиров. сочиненіяхъ.

2) «Совр. Зап.» XXII.

не того, что представляет собою дѣйствительно присущій капиталистическому строю феноменъ «эксплоатація». Среди многихъ его слагаемыхъ мы отмѣтили и моментъ присвоенія прибавочной цѣнности и вѣчную угрозу безработицы и, въ особенности, то рабствоваіе капиталу, которое проявляется въ «овеществленіи» рабочаго, въ утратѣ всякой связи между его трудомъ и личностью, въ превращеніи его въ придатокъ бездушной машины, выполняющей заданія невѣдомаго Ничто. Не трудно показать, что именно всѣ эти *эмпирическія* слагаемыя «эксплоатаціи» (а не ихъ предполагаемая послѣдняя причина) совершенно не уничтожаются самымъ фактомъ огосударствленія, т. е. простой механической замѣной одного (частнаго) собственника другимъ (государство). Сама по себѣ эта замѣна («овладѣніе во имя общества всѣми орудіями производства») неспособна уничтожить ни «овеществленія рабочаго», ни безработицы, ни даже присвоенія прибавочной цѣнности. Чтобы уничтожить всѣ эти явленія, необходимъ цѣлый рядъ органическихъ, созидательныхъ дополнительныхъ мѣръ, какъ то: выработки тарифа, обеспечивающаго рабочему «полный продуктъ его труда»; реального обезпеченія ему работы; участія его въ производствѣ въ качествѣ сотрудника, а не въ качествѣ придатка къ машинѣ; организаціи образовательныхъ учреждений, могущихъ развить въ немъ внутреннюю силу личности, способную противодѣйствовать его овеществленію и т. д. Нужно ли доказывать, что все это возможно лишь при наличіи самостоятельныхъ и сильныхъ профессиональныхъ организацій, при наличіи того, что нынѣ называется «промышленной демократіей», т. е., черезъ ограниченіе собственности, пронизаніе ее началами права, а не черезъ замѣну одного неограниченнаго собственника другимъ, еще болѣе неограниченнымъ, ибо единственнымъ. А это значить, что дѣло не въ томъ *кто* собственникъ, а въ томъ *какъ* собственничаетъ собственникъ. Должно быть измѣнено *качество* собственности, а всякое измѣненіе качества есть органической, созидательный процессъ, не поддаваемый ни на шагъ впередъ отъ того, что число собственниковъ будетъ низведено отъ многихъ къ одному.

Въ періодъ военнаго коммунизма въ Сов. Россіи одновременно съ огосударствленіемъ была объявлена уничтоженной и безработица. Считалось, что огосударствленіе *само собою* уничтожаетъ послѣднюю. На дѣлѣ безработица не существовала чисто формально, поскольку всѣ числившіеся въ націонализированныхъ предприятияхъ получали наекъ. Но самый феноменъ безработицы, заключающійся въ отсутствіи хозяйственно оправдывающей себя работы и неполученія даже голоднаго минимума

заработной платы, существовали в размерах, далеко превосходящих нынешнюю явную безработицу. Непь в этом отношении не внесь ничего новаго. Онъ только проявилъ то, что въ скрытомъ видѣ существовало до него. Скорѣе напротивъ: поскольку съ Напомъ промышленность отчасти возродилась, она сократила бывшую при военномъ коммунизмѣ безработицу. Скажутъ: это не принципиальное соображеніе, безработица того времени объясняется «случайной» для коммунизма хозяйственной разрухой. Допустимъ, что это такъ. Но, вѣдь, и при самыхъ идеальныхъ условияхъ огосударствленія (въ силу ли стихійныхъ причинъ или въ силу техническихъ усовершенствованій, изменяющихъ потребности рынка 1), тѣ или нѣвы отрасли промышленности смогутъ быть принуждаемы отъ времени до времени сокращать производство, даже при допущеніи самаго идеальнаго функционированія «еднаго хозяйственнаго плана». Значитъ, проблема безработицы, хотя бы и въ меньшихъ размерахъ, тѣмъ при нынѣшней капиталистической анархіи, а въ первое время послѣ огосударствленія — въ тѣхъ же, если не большихъ размерахъ, все равно будетъ существовать (при предположеніи, конечно, что коммунистическое хозяйство будетъ удовлетворять спросу, а не навязывать вмѣсто плуговъ ведра и вмѣсто хлѣба перецъ, какъ это было въ эпоху военнаго коммунизма). Бороться съ безработицей придется все тѣми же средствами: регулированіемъ промышленности, регулированіемъ рабочаго рынка, переселеніемъ, распределеніемъ риска между всѣми производителями, т. е. страхованіемъ (какую бы замаскированную форму ни принимало послѣднее). Такимъ образомъ именно созданіе (а тамъ, гдѣ они уже есть — сохраненіе и дальнѣйшее развитіе) соответствующихъ учреждений, а отнюдь не простое огосударствленіе можетъ разрѣшить проблему эксплуатаціи. А это значитъ, что «зрѣлость» хозяйственнаго строя для социализма заключается отнюдь не въ механической «аккумуляціи» капитала, а въ той громадной созидательной работѣ, которую за послѣднія десятилѣтія совершили профессиональные союзы и подъ ихъ воздѣйствіемъ и «буржуазное» государство. Все сдѣланное имъ отнюдь не становится излишнимъ при «овладѣніи во имя общества орудіями производства», а напротивъ — разь ре-

1) Въ техническихъ усовершенствованіяхъ Р. Лифманъ справедливо видитъ «одну изъ главнѣйшихъ причинъ кризисовъ». Срв. R. Liefmann Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, II, ч. X. На русск. яз. срв. его «Формы предпріятій, кооперація и социализація». Берлинъ, 1924, стр. 56 сл., 249.

ально именно только мѣры аналогичнаго созидательнаго типа содѣйствуютъ уменьшенію эксплуатаціи, — то естественно возникаетъ вопросъ: къ чему же тогда огосударствленіе? Почему не ограничиваться только тѣми мѣрами, которыя вызываются самой сущію дѣла? Къ чему это мнимое огульное рѣшеніе вопроса, которое ничего не разрѣшаетъ? Кѣмъ и когда было доказано, что упомянутыя созидательныя мѣры могутъ быть приняты только при огосударствленіи? Это было бы такъ, если бы «эксплуатація» заключалась не въ тѣхъ *эмпирическихъ* явленіяхъ, изъ которыхъ она фактически слагается, а въ той *метафизической* причинѣ (прибавочной цѣнности), къ которой она теоретически сводится и ложную механическую предпосылку которой мы вскрыли выше. Если «эксплуатація» есть дѣйствительно не что иное, какъ присвоеніе прибавочной цѣнности капиталистами, тогда уничтоженіе капиталистовъ черезъ огосударствленіе дѣйствительно сразу разрѣшаетъ всю проблему. Этими мы отнюдь не хотимъ сказать, что всякая «націонализація» излишня: при извѣстныхъ обстоятельствахъ націонализація того или иного предпріятія или той или иной отрасли промышленности (какъ въ иныхъ случаяхъ «муниципализація» и т. д.) можетъ диктоваться проблемой уничтоженія эксплуатаціи. Излишняя, вытекаетъ не изъ проблемы въ ея эмпирическомъ составѣ, а изъ метафизическихъ допущеній, объясняющихъ (ложно) возникновеніе этой проблемы, не націонализація тѣхъ или иныхъ орудій производства, а огульное огосударствленіе всѣхъ орудій производства, о которомъ говорить правовѣрный марксизмъ (потому мы и предпочитаемъ для обозначенія даннаго понятія терминъ «огосударствленіе»). Изъ метафизическаго максимума предпосылокъ, произвольно примышляемыхъ къ эмпирической реальности, необходимо вытекаетъ утопическій максимумъ средствъ, самъ по себѣ безсильный эту реальность преобразовать. Огосударствленіе достаточно и реально какъ средство уничтоженія эксплуатаціи только въ томъ случаѣ, если реально то общество, которое предполагается механической концепціей марксизма. Если трудъ и капиталъ однородны, совершенно «ликвидны», состоятъ изъ совершенно одинаковыхъ атомовъ, тогда, конечно, не только проблема безработицы, но и всѣ другія слагаемыя «эксплуатаціи» разрѣшаются сразу механическимъ огосударствленіемъ. Марксистскій коммунизмъ не *устанавливаетъ* впервые экономическаго равенства, а *предполагаетъ* (совершенно такъ же, какъ и классическій либерализмъ) фактическое равенство, полную взаимную замѣняемость, безусловную безкачественную однородность какъ всѣхъ трудящихся, такъ и всѣхъ орудій производства.

при помощи которой только и возможно покорное и безболѣзненное подчинение ихъ въ любой моментъ « единому хозяйственному плану ».

Все, что излишне, вредно. И не трудно показать, что огосударствление, излишнее для той цѣли, которую оно себѣ ставитъ — цѣли уничтоженія эксплуатаціи, приводитъ прямо къ противоположнымъ результатамъ. Мы не касаемся здѣсь экономическихъ недостатковъ огосударствления: бюрократизація слишкомъ часто наблюдается нынѣ и внутри т. наз. частныхъ предприятий крупнаго калибра, и мы считаемъ, что огульное отрицаніе государственной и муниципальной собственности при *всѣхъ* условіяхъ экономически такъ же спорно, какъ спорно отъ огосударствления ожидать безусловнаго повышенія производительности. Тѣмъ болѣе, что всегда возможно возразить (хотя это и противорѣчитъ марксистской теоріи), что уничтоженіе эксплуатаціи стоитъ того, чтобы за него заплатить нѣкоторымъ пониженіемъ производительности. Мы ограничимся здѣсь болѣе принципиальными соображеніями, имѣющими непосредственное значеніе для нашей основной задачи — выясненія эволюціи социализма. Прежде всего « огосударствление орудій производства » есть понятіе, содержаніе котораго находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Будучи само, какъ мы видѣли, уже « максимумомъ предпосылокъ », вытекающимъ не изъ подлежащей разрѣшенію проблемы, а изъ метафизическаго ея объясненія, оно требуетъ еще дальнѣйшаго ихъ умноженія или, напротивъ, такого ихъ существеннаго ограниченія, что оно перестаетъ быть огосударствленіемъ, т. е. самимъ собой. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе *огосударствленія именно орудій производства* (а не *всѣхъ* хозяйственныхъ благъ) является однимъ изъ вторичныхъ признаковъ, которымъ « научный социализмъ » притязаетъ отличаться отъ утопическаго. Ограниченіе, въ немъ заключающееся, логически вытекаетъ изъ превращенія въ марксизмъ отвлеченнаго отрицанія въ реальное, т. е. изъ теоріи классовой борьбы: борьба классовъ обуславливается частной собственностью именно на орудія производства, и слѣдовательно только послѣдняя подлежитъ огосударствленію. Поэтому научный социализмъ и есть « производственный социализмъ » въ отличіе отъ « потребительскаго социализма » предшествующаго времени. Чисто отрицательный характеръ социалистическаго Блага получаетъ въ этомъ ограниченіи свое яркое выраженіе: по замыслу своему обобществленіе отнюдь не имѣетъ въ виду предписывать *всѣмъ* членамъ общества одинаковый образъ жизни, навязывать имъ какое то одинаковое положительное Благо, какъ это такъ часто имѣло мѣсто въ утопическомъ социализмѣ,

опредѣлявшемъ и униформировавшемъ потребности всѣхъ гражданъ. Цѣль его — уничтоженіе эксплуатаціи, т. е. дѣленія на классы, установленіе реальной и подлинной свободы на мѣсто формальной и мнимой свободы капиталистическаго общества, и потому оно происходитъ въ мѣру этой цѣли, т. е. ограничивается огосударствленіемъ только орудій производства 1). Такъ пониманіе Блага, какъ справедливости (индивидуалистическій моментъ въ Благѣ), ограничиваетъ потребительскій коммунизмъ до производительнаго коллективизма 2).

Уже А. Вагнеръ показалъ 3) (и его соображенія не были впоследствии никѣмъ опровергнуты), что между « орудіями производства » и « предметами потребленія » нельзя провести рѣзкой границы: не только потому, что они различаются лишь своей функціей, а не субстанціей (большинство предметовъ потребленія можетъ стать орудіями производства и обратно), но и потому, что орудія производства, не будучи потребительскими благами (Gebrauchsgüter), являются « благами потребляющими » (Verbrauchsgüter). Изначиваясь въ процессъ производства, они требуютъ непрерывнаго ремонта, съ теченіемъ времени совершенно обновляющаго ихъ первоначальную субстанцію. Въ этомъ своемъ качествѣ они соперничаютъ съ потребителями благъ, и уже поэтому единственный собственникъ всѣхъ орудій производства, какимъ по марксистской теоріи должно явиться государство, неминуемо будетъ собственникомъ и всѣхъ благъ потребленія — за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя въ самый моментъ потребленія предоставлены въ собственность отдѣльныхъ лицъ. Поэтому тотъ потребительскій коммунизмъ, который до сихъ поръ считался принадлежностью именно утопическаго социализма и который, столь неожиданно для многихъ, явился естественнымъ слѣдствіемъ большевизкаго огосударствленія, долженъ быть отнесенъ не на счетъ «военнаго коммунизма» и «недозрѣлости экономическихъ условій», а на счетъ самаго

1) Срв. слова Бебеля, приводимыя В. Черновымъ (II. с., стр. 60) «Мы имъ дадимъ въ дорогу всѣ ихъ деньги, мы охотно прибавимъ къ этому всю ихъ мебель и все, что они имѣютъ. Мы въ этомъ не нуждаемся. Все свое золото, всѣ деньги — пусть они берутъ съ собой, сколько хотятъ. Намъ это не стѣснить. Наше общество въ состояніи существовать и безъ ихъ денегъ, золота и имущества, ибо это — трудовое общество».

2) По терминологіи Жореса и Вандервельде.

3) A. Wagner. Lehr- und Handbuch der polit. Oekonomie, I Hauptabt, 3 Th.

принципа огосударствления орудій производства. Авторитарное распределение (пайковая система) и трудовая повинность составляют самое существо послѣдняго, какъ это впрочемъ и считала русская коммунистическая партія (да и продолжаетъ считать въ постановленіяхъ своихъ съѣздовъ 1). «Коллективизмъ», т. е. огосударствление всѣхъ орудій производства, есть *неустойчивое равновѣсіе* между потребительскимъ коммунизмомъ и какимъ-то инымъ социализмомъ, въ программу котораго уже не входитъ подобное огосударствление. Этимъ только подтверждается нашъ общій взглядъ на марксистскій социализмъ, какъ на реальное отрицаніе, но самому существу своему присужденное колебаться между чистымъ отрицаніемъ (поскольку оно отрицаніе) и утвержденіемъ (поскольку реальное отрицаніе необходимо переходитъ въ послѣднее). Еще до войны это въ сарготомъ видѣ было признано такимъ правовѣрнымъ марксистомъ, какъ Каутскій, который въ своемъ комментарий къ Эрфуртской программѣ 2) далъ, быть можетъ, самое рѣзкое выраженіе теоріи огосударствления. Въ своей книжкѣ «На другой день послѣ социальной революціи» Каутскій между прочимъ говоритъ 3): «Въ социалистическомъ обществѣ могутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ самыя разнообразныя виды собственности на средства производства: государственная, коммунальная, кооперативная (собственность производительныхъ и потребительныхъ товариществъ), частная; — самыя разныя формы предпріятій: бюрократическое, тредъ-юнионистское, кооперативное, единичное; — самыя различныя формы вознагражденія работниковъ: постоянное жалованье, повременная плата, почасовая плата, участіе въ выгодахъ отъ сбереженія сырья, машинъ и т. д., участіе въ выгодахъ отъ болѣе интенсивнаго труда; — самыя

1) Срв. В. Бруцкусъ. Социалистическое хозяйство. Берлинъ, 1926, стр. 54 и сл.

2) Каутскій. Эрфур. прогр. (р. изд. 1910, стр. 117): «Въ социалистическомъ же обществѣ всѣ средства соединены въ однихъ рукахъ, въ немъ имѣется только единственный работодатель, котораго невозможно перемѣнить... Стр. 110: «какъ въ настоящее время въ какомъ-нибудь крупномъ промышленномъ предпріятіи производство и уплата заработка регулируются по заранѣе обдуманному плану, такъ будетъ и въ социалистическомъ обществѣ, которое есть единое гигантское промышленное предпріятіе». Срв. приведенную выше (§ 7) цитату изъ Ленина.

3) Р. изд. 1917 г., стр. 49-50, правда тутъ же contra стр. 59.

различныя формы обращенія продуктовъ: контракты на поставку, покупка изъ магазиновъ государства, общинъ, потребительныхъ товариществъ, у самихъ производителей и т. д. Въ социалистическомъ обществѣ экономической механизмъ можетъ отличаться такимъ же разнообразіемъ, какъ и теперь; невозможно тамъ будутъ только лихорадочная снѣжка и погоня за наживой, борьба и давка, истребленіе и гибель, происходящія нынѣ на почвѣ конкуренціи; исчезнетъ также противоположность между эксплуатирующимъ и эксплуатируемымъ». Отрекаясь такимъ образомъ отъ формулы «огосударствленіе всѣхъ орудій производства», Каутскій ничего не ставитъ на ея мѣсто и не отказывается отъ тѣхъ предпосылокъ марксизма, которыя, какъ мы видѣли, ее обуславливаютъ. Но оль правильно чувствуетъ внутреннюю противорѣчивость этой формулы, неизбежно приводящей къ потребительскому коммунизму. Апорія «огосударствленія орудій производства» того же рода, что и рассмотрѣнная выше (§ 7) апорія двухъ борющихся классовъ. Въ основѣ обѣихъ лежитъ механистическая теорія общества съ предполагаемой ею одинаковостью составляющихъ общество атомовъ. Какъ пайковая система, такъ и трудовая повинность вполне возможны, если общество уже состоитъ изъ фактически равныхъ, вполне одинаковыхъ атомовъ. А это опять таки значитъ, что огосударствленіе орудій производства не устанавливаетъ равенства, но, какъ и классическій либерализмъ, его предполагаетъ. Другой предпосылкой потребительскаго коммунизма (въ сущности совпадающей съ первой) является *рационалистическое всезнаніе* потребностей каждаго, такъ же какъ и того, что составляетъ «трудъ» человѣка. Если есть на землѣ такой всезнающій органъ, который съ абсолютной безошибочностью можетъ за всѣхъ людей опредѣлять, что есть истинная, подлежащая удовлетворенію потребность, и что есть истинный, заслуживающій вознагражденія трудъ, тогда противъ потребительскаго коммунизма и, значитъ, противъ приводящаго къ нему огосударствленія орудій производства возражать не приходится. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что то Благо, которое коммунизмъ противопоставляетъ Праву либерализма, есть уже не отрицаніе «эксплоатации» и не утвержденіе истинной свободы на мѣсто мнимой свободы правового государства, а отрицаніе какой бы то ни было свободы, какъ всегда и безусловно мнимой иллюзіи человеческого сознанія, и замѣна ея хлѣбомъ Великаго Инквизитора. Отрицательное Благо социализма перебивается здѣсь въ положительное Благо консерватизма, который, тоже отвергая свободу человѣка, ставитъ на ея мѣсто благополучіе подданныхъ («хлѣбъ»), мощь госу-

дарства (« власть ») и религію, какъ орудіе власти (« чудо ») 1).

Эта діалектика вырожденія коммунизма въ консерватизмъ (насыщеніе вмѣсто освобожденія) проявляется съ особенной силой въ томъ внутреннемъ *саморазложеніи*, которое въ случаѣ механическаго обобществленія (отгосударствленія) претерпѣваетъ самое *общество*. Въ предыдущей статьѣ 2) мы показали, какъ обезличивается собственность, когда она отрывается отъ противостоящаго ей начала общественности. Мы показали также, что вмѣстѣ съ ростомъ индивидуализаціи собственности одновременно возрастаетъ и ея социализація, и что въ этой параллельности обоихъ процессовъ обнаруживается внутренняя существенная сопряженность понятій личности и общества, видѣть которую классическому либерализму препятствовала его механистическая концепція общества. Марксизмъ и въ томъ отношеніи представляетъ собою простое отрицаніе классическаго либерализма, что исключительной частной собственности послѣдствія онъ противопоставляетъ столь же исключительную собственность общества. Какъ не можетъ быть одного лица, но лицо впервые возможно лишь въ обществѣ лицъ, такъ и не можетъ быть одного собственника, но собственность возможна лишь въ обществѣ собственниковъ. При налічии одного только собственника — государства собственность утрачиваетъ присущій ей характеръ обслуживания опредѣленной *хозяйственной* задачи и сохраняетъ лишь еще свое *техническое* своеобразие. Въ томъ « единомъ гигантскомъ промышленномъ предпріятіи », которымъ хочеть быть коммунистическій строй, отдѣльное имущество утрачиваетъ свою индивидуальность, нивелируется, становится протыкомъ винтикомъ единой гигантской машины, не имѣющимъ самостоятельнаго хозяйственнаго значенія 3). Та непрерывная перетасовка имущества изъ одного предпріятія въ другое, изъ

1) Что эти три искушенія въ пустынь, отвергнутыя Спасителемъ ради человѣческой свободы, составляютъ подлинное содержаніе того Блага, которое консерватизмъ противопоставляетъ идеѣ Права, лишній разъ подтверждается примѣромъ фашизма. Для Муссолини свобода есть « въ сущности только морально-философская категорія ». Итальянскій народъ требуетъ, по его словамъ, не свободы, а жилищъ, воды, уничтоженія маляріи и т. д. Срв. и ст. Маршака (Archiv f. soz W-t, 53/1, стр. 121 сл.).

2) «Совр. Зап.» XXII, стр. 282 сл. ; XXIII, стр. 314 сл.

3) Въ этомъ проявляется то превращеніе хозяйства въ технику, которое мы выше вскрыли какъ затаенную нѣль коммунизма. Срв § 6 и ниже, § 16. Хозяйственная дѣятельность сопротивлялась

учреждения въ учреждение, изъ вѣдомства въ вѣдомство, которая отличала періодъ военнаго коммунизма и приводила къ фактическому разрушенію собственности, отнюдь не была случайнымъ приходящимъ обстоятельствомъ условій военнаго времени. «головоунытія» или « дезорганизация аппарата », но была необходимымъ слѣдствіемъ, естественнымъ проявленіемъ той нивелировки собственности, той ея *идеальной* отмѣны, которая составляетъ самое существо принципа огосударствленія орудій производства. Путемъ огосударствленія можно только отмѣнить и уничтожить собственность, но не « обобществить » ее. Подлинное обобществленіе предполагаетъ поэтому, какъ мы убѣдимся еще ниже (§ 16), наличие *множества* собственниковъ и потому не нивелировку собственности, вырожденіе ея въ простую техническую часть машины, а, напротивъ, усиленіе и ростъ ея индивидуализаціи. И здѣсь опять таки проявляется чисто отрицательный характеръ марксизма, способный отвергнуть и разрушить дѣйствительность, но не преобразовать ее.

Какъ личная собственность разрушается и утрачиваетъ свою индивидуальность, оторвавшись отъ общественнаго начала, такъ и общество, вытравивъ внутри себя личное начало, вырождается, перестаетъ быть обществомъ, т. е. самопроизвольнымъ и органическимъ соединеніемъ людей. Оно становится личиной общества, антиобществомъ, вырождается въ свою механическую противоположность — въ казарму, въ армію. Поэтому такъ неправильно противопоставлять «военный» коммунизмъ «истинному»: коммунизмъ съ его огосударствленіемъ орудій производства есть необходимо военный коммунизмъ — и не потому только, что классовая борьба, которую онъ завершаетъ, есть на дѣлѣ гражданская война, но въ особенности потому, что общество, ставшее единственнымъ собственникомъ (и, значитъ, единственнымъ *лицомъ*), перестаетъ быть самимъ собою и вырождается въ казарму. Это прекрасно понималъ Троцкій, который вполне послѣдовательно видѣлъ въ военномъ коммунизмѣ не слѣдствіе «нужды и разоренія» (какъ *впослѣдствіи* объяснялъ Ленинъ), а «неизбѣжный основной методъ социализма въ переходную эпоху отъ царства капитала къ коммунистическому государству». Социализмъ, говоритъ Троцкій, есть «организация труда на принудительной

этому самоуничтоженію хозяйства, что виѣшне проявлялось въ той конкуренціи, которую, къ недоумѣнію коммунистическихъ теоретиковъ, проявляли между собой отдѣльныя организованныя въ «Главы» отрасли хозяйства и которая была своеобразнымъ суррогатомъ существеннаго для хозяйства плюрализма. Срв. § 16.

основѣ солидарности». «Говорять, что принудительный трудъ непроеизводительный. Это означаетъ, что все социалистическое хозяйство обречено на сломъ, ибо другихъ путей къ социализму, кромѣ властнаго распредѣленія хозяйственнымъ центромъ всей рабочей силы страны, размѣщенія этой силы соответственно потребностямъ общегосударственнаго хозяйственнаго плана, бытъ не можетъ. А разъ мы это признаемъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ въ основѣ, не по формѣ, а въ основѣ, право рабочаго государства отправлять каждого работника и работницу на то мѣсто, гдѣ они нужны для использованія хозяйственныхъ задачъ. Тѣмъ самымъ мы признаемъ право государства, рабочаго государства, карать рабочаго и работницу, которые отказываются исполнять нарядъ государства». «Милитаризація труда не есть выдумка отдѣльныхъ политиковъ или рабоче-крестьянскаго правительства. Милитаризація труда въ томъ основномъ смыслѣ, какой я указала, является неизбежнымъ основнымъ методомъ организаціи рабочей силы, ея принудительной группировки въ соотвѣтствіи съ потребностями строящагося социализма въ переходную эпоху отъ царства капитала къ коммунистическому государству (по теоріи слѣдовало бы — «обществу»?). Если эта принудительно организованная и распредѣляемая рабочая сила не производительна — ставьте на социализмъ крестъ» 1). Такъ первоначальная предпосылка, что общество не можетъ эксплуатировать (ибо общество есть простая сумма индивидовъ, воплѣтъ съ ними совпадающая и не могущая имъ противостоять 2)), перекидывается въ другую, уже совсѣмъ явно выражающую антисоціальность механистической концепціи общества: да, общество эксплуатируетъ, но, въ отличіе отъ частнаго собственника, эксплуатирующаго ради своего блага, оно эксплуатируетъ ради блага самихъ эксплуатируемыхъ. «Вся исторія человечества, говоритъ Троцкий, есть исторія воспитанія его для труда, и это вовсе не такая простая задача, ибо человѣкъ лѣнивъ». «Человѣкъ долженъ работать, чтобы не умереть. Работать онъ не хочетъ, но общественная организація заставляетъ, вынуждаетъ, подстегиваетъ его въ этомъ смыслѣ». Чѣмъ эта теорія прирожденной лѣности человѣка, котораго должно воспитывать государство, представляющее собою «организацію труда на принудительной основѣ солидарности», отличается отъ теоріи просвѣщеннаго

1) Эта и послѣдующія цитаты взяты нами изъ книги В. Чернова, гдѣ дана исчерпывающая характеристика военнаго коммунизма. Стр. 384 сл.

2) Срв. выше, § 7.

абсолютизма и нынѣшняго консерватизма (хотя бы, напр., фашизма)? Вѣдь и послѣдній тоже отвергаетъ свободу во имя принужденія ради блага подданныхъ, воспитаніе которыхъ къ труду составляетъ его основную задачу 1). Такъ «максимумъ предпосылокъ», заключающійся въ принципѣ огосударствленія вѣхъ орудій производства, поглощаетъ ту цѣль, которому послѣднее должно служить какъ средство. Излишнее для цѣли уничтоженія эксплуатаціи, огосударствленіе, развивая сокрытую въ немъ логику, поглощаетъ эту цѣль, подмѣняя ее прямо противоположной: эксплуатация ради блага эксплуатируемыхъ.

Военному коммунизму принадлежитъ большая и безспорная заслуга показать окончательно и безповоротно всю социалистическую бессодержательность огосударствленія. Огосударствленіе есть плоть отъ плоти того отрицанія права и *государства* (въ этомъ именно проявляется глубокая внутренняя діалектика гонимого отрицанія), которое составляло содержаніе утопическаго социализма и въ марксизмѣ стало только реальнымъ. Кромѣ коммунистовъ сейчасъ уже никто не отождествляетъ «обобществленія» съ «огосударствленіемъ». Съ полнымъ правомъ заявилъ недавно Штребель, что нынѣ «въ Западной Европѣ вообще нѣтъ ни одного социалистическаго направленія, которое представляло бы себѣ социализацию, какъ огосударствленіе». Но этого мало сказать. *Вместѣ съ огосударствленіемъ надо отказаться и отъ его предпосылокъ*: отъ отрицанія права и государства и отъ механистической концепціи общества, ради вскрытія которыхъ, а отнюдь не для ненужнаго нынѣ опроверженія огосударствленія мы такъ подробно остановились на его анализѣ. Если «обобществленіе» еще имѣетъ какой нибудь смыслъ, то оно есть преобразование *качества* собственности и, значитъ, преобразование собственности, какъ *правового института*, а не механическая замѣна многихъ собственниковъ однимъ, что на дѣлѣ есть, какъ мы убѣдились выше, голое отрицаніе собственности. Именно потому, что марксизмъ есть простое отрицаніе классическаго либерализма, онъ и былъ безсиленъ противопоставить абсолютистскому пониманію собственности послѣднимъ (какъ неограниченной вла-

1) На фонѣ этой губительной заботливости власти о благѣ подданныхъ глубокой смыслъ приобрѣтаютъ классическія слова Бенж. Константа: «Сколь бы ни была трогательна эта нѣжная заботливость, попросимъ власть оставаться въ ея предѣлахъ. Пусть она ограничена быть справедливой; мы сами уже позаботимся о томъ, чтобы быть счастливыми». De la liberté des anciens... (Cours de politique constit., éd. Laboulaye, 1861, т. II, стр. 558).

сти *лица* надъ вещью) что либо иное, какъ такое же абсолютности-стское пониманіе собственности, какъ неограниченной власти общества надъ вещами, т. е. простое отрицаніе собственности. Съ другой стороны приходимъ мы къ тому же выводу, къ которому привелъ насъ въ предыдущей статьѣ анализъ либерализма. Критика понятія индивидуальности убѣдила насъ въ томъ, что тѣмъ индивидуальнѣе, тѣмъ социальнѣе. Критика понятія общества убѣждаетъ насъ въ томъ, что подлинное обобществленіе должно означать индивидуализацію.

Уже Прудонъ въ одномъ изъ своихъ замѣчательныхъ разсужденій 1) пріоткрылъ обнаруженную впоследствии исторіей диалектику коммунизма. Коммунисты утверждаютъ, говорилъ онъ, что эти виноградники, принадлежащіе сейчасъ Жану, должны быть собственностью французской націи потому, что: 1) ихъ создалъ въ послѣднемъ счетѣ не Жанъ своимъ трудомъ, а французская нація въ цѣломъ, и 2) Жанъ, неограниченно владѣя ими, эксплуатируетъ тѣмъ самымъ Пьера. Но что измѣнится отъ того, что виноградники станутъ собственностью всей французской націи? Развѣ, подобно Пьеру, не смогутъ въ такомъ случаѣ и ланландцы сказать: по какому праву французская нація владѣетъ ими? Въ силу раздѣленія труда, объемлющаго все хозяйство, въ созданіи ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ сейчасъ владѣетъ ими Жанъ, участвовало все человѣчество въ цѣломъ. И развѣ французскій народъ, неограниченно владѣя ими, не «эксплуатируетъ» насъ, принужденныхъ довольствоваться нашими тундрами и кочевенно работать на него? Коммунизмъ необходимо долженъ критиковать къ единому всемірному государству, которое, представляя собою все человѣчество въ цѣломъ, является собственникомъ всѣхъ орудій производства на всемъ земномъ шарѣ. Въ послѣднемъ счетѣ такова, конечно, и была мысль не только Сенъ-Симона, но и Маркса. И потому разсужденіе Прудона должно быть продолжено. Развѣ то «человѣчество въ цѣломъ», органомъ котораго является всемірное государство, создало трудомъ своимъ виноградники, принадлежащіе нынѣ Жану? Въдѣ въ ихъ созданіи принимало участіе безчисленное количество уже отошедшихъ поколѣній. И точно также (на что впрочемъ указываетъ и самъ Прудонъ 2) развѣ нынѣшнее поколѣніе, которое только и можетъ быть «представлено» всемірнымъ государствомъ, не сможетъ

1) Что такое собственность? 1-й мем., гл. III, § 4. Срв. Чичеринъ. Собственность и государство, 1, 109 сл.

2) «... Quand même la nation serait propriétaire, la génération d'aujourd'hui peut elle déposséder la génération de demain?» *ibid.* § 4.

такъ распорядиться принадлежащими ему нынѣ орудіями производства, что на столѣтія закабалитъ будущія поколѣнія? Очевидно, что то человѣчество, которому единственно можетъ принадлежать неограниченное право собственности на всѣ вещи и которое, создавъ всѣ вещи своимъ трудомъ, уже никого и не можетъ «эксплуатировать», есть не механическая сумма въ настоящій моментъ живущихъ на землѣ людей, а незыбимое, сверхэмпирическое единство человѣческаго рода, равно объемлющее и нынѣ живущее и умершія и еще имѣющія въ будущемъ родиться поколѣнія. Но никакимъ всемірнымъ государствомъ такое человѣчество не можетъ быть представлено. Оно не можетъ быть неограниченнымъ собственникомъ вещей, ибо нѣтъ такого органа, который могъ бы во имя его ими, какъ собственникъ, распоряжаться. А это значитъ, что то неограниченное право собственности, о которомъ говорить классическій либерализмъ и которое коммунизмъ только перелагаетъ съ частнаго лица на общество, не существуетъ. Поскольку общество не есть та послѣдняя *идея* человѣчества, оно есть такой же *частный* собственникъ, титулъ котораго на его собственность принципиально ничѣмъ не лучше титула любого другаго лица: оно точно такъ же имѣетъ свою частную волю, не совпадающую съ волей другихъ лицъ, и можетъ направлять ее противъ этихъ послѣднихъ. Но, съ другой стороны, это означаетъ, что каждая частная собственность, оставаясь неизменно частной, должна быть ограничена превышающимъ ее началомъ человечности, которому только и принадлежить безусловное и абсолютное право собственности. *Всякое* общество въ лицѣ своего эмпирически - реального органа (даже всемірное государство, если таковое когда-либо осуществится) можетъ быть собственникомъ вещей. Но оно можетъ быть имъ только какъ частный собственникъ — такой же, какъ и другія лица. Именно потому оно не можетъ быть единственнымъ и исключительнымъ собственникомъ *всѣхъ* вещей. То «общество», которому принадлежитъ исключительное и неограниченное право собственности на вещи, есть не особый собственникъ, замѣняющій и вытѣсняющій собою другихъ собственниковъ, но лишь моментъ, *качество* собственности, по необходимости остающейся частной — все равно, будетъ ли это собственность частнаго лица, кооператива, города, земства, области, государства или другаго общественнаго союза. Внутри каждой собственности наличествуетъ этотъ видимо противостоящій ей моментъ «общественности». Поэтому подлинное обобществленіе и означаетъ только *усиленіе* этого момента «общественности», который въ скрытомъ видѣ призывали даже лучшіе представители классическаго либера-

лизма 1). Оставаясь частной, собственность обобществляется качественно, именно потому, что человечество в томъ подлинномъ послѣднемъ пониманіи есть не эмпирическая сумма людей, механически превышающая отдѣльнаго человѣка, а идеальное начало, т. е. качество, моментъ, просвѣчивающій въ собственности во все большей степени въ мѣру развитія ея *какъ собственности.*

Поэтому не механическимъ овладѣніемъ, а внутреннимъ органическимъ пронизаніемъ собственности *идеальнымъ началомъ права* совершается процессъ обобществленія. Абсолютный, самодержавный собственникъ — это есть *право*, представляющее собою *идею* человечества и оупутывающее во все большей степени частную собственность, дабы она, исполняя свою *общественную* функцію, становилась все болѣе незамѣняемой на своемъ мѣстѣ, т. е. *индивидуальной*. Постольку проблема собственности совершенно аналогична проблемѣ власти, какъ ее формулировалъ въ свое время Руссо. Чтобы быть законной, власть должна выражать собою «общую волю». Но «общая воля» не есть самодержавная «воля всѣхъ», механически заступающая волю самодержавна. «Общая воля» есть *качество* государственной власти, проливаніе ея началомъ права, которому единственно только принадлежитъ неограниченный и недѣлимый суверенитетъ. Совершенно вѣрно: для этого пронизанія должно было произойти перераспределеніе власти, самодержавная монархія должна была уступить мѣсто «демократіи» какъ техническому средству пронизанія государственной власти правомъ. Возможно и даже безспорно, что и органическое обобществленіе собственности, которое есть не что иное, какъ ея *оправовленіе*, неизбежно будетъ связано съ перераспределеніемъ собственности и постольку съ признаніемъ *относительной* правды коллективизма. Къ этому вопросу мы еще вернемся впоследствии 2). Сейчас намъ важно было только констатировать, что, будучи «оправовленіемъ» собственности, органическое ея обобществленіе предполагаетъ признаніе начала права и постольку признаніе правды либерализма.

9.

Вырожденіе революціоннаго марксизма въ консерватизмъ еще болѣе яркое свое выраженіе получило въ *пониманіи большевизмомъ классовой борьбы*. Въ основѣ теорія классовой борьбы

1) Срв. нашу предыд. статью, ХХП — ХХШ (особ. стр. 318 сл.).

2) Срв. § 16.

лежитъ, какъ мы видѣли, предпосылка однородности пролетаріата. То, что объединяетъ пролетаріатъ въ одно однородное цѣлое, — это его мѣсто въ процессѣ производства, какъ угнетеннаго класса, проявляющееся въ феноменѣ прибавочной цѣнности. Однако, не временные, случайные интересы сплачиваютъ его въ единое цѣлое. Эти эмпирическіе интересы (временное улучшение условій труда и заработной платы) способны скорѣе разъединять рабочихъ, чѣмъ ихъ объединять. Объединяетъ пролетаріатъ его послѣдняя цѣль, его историческая миссія, заключающаяся въ уничтоженіи классового дѣленія общества черезъ завоеваніе имъ политической власти и овладѣніе орудіями производства 1). Въ этомъ отрицаніи капиталистическаго строя, въ этой его исторической миссіи сверженія современнаго порядка заключается подлинное *существо* пролетаріата, сообщающее ему существенную однородность и внутреннее единство. Такъ именно опредѣляютъ пролетаріатъ «Коммунистическій Манифестъ». Пролетаріатъ — это есть реальное отрицаніе капиталистическаго строя: въ немъ социализмъ, до сихъ поръ отрицавшій капитализмъ отвлеченно, становится реальнымъ. Отсюда особенный характеръ, приданный съ самаго начала Марксомъ организаціи пролетаріата. Организациа эта есть организациа отрицанія: она есть только средство сверженія современнаго порядка. Послѣ сверженія — въ коммунистическомъ строѣ — она, за достиженіемъ своей цѣли, станетъ ненужной. Этимъ опредѣляется отношеніе подлинной организаціи пролетаріата, какъ организаціи отрицанія современнаго строя, выражающей его существенную однородность, къ всѣмъ другимъ, чисто эмпирическимъ и внѣшнимъ его организаціямъ. Профессиональные союзы для Маркса являются, вообще говоря, только средствомъ воспитанія въ пролетаріатѣ «классоваго сознанія». Вся положительная созидательная работа ихъ въ предѣлахъ буржуазнаго строя не имѣетъ въ сущности никакого самостоятельнаго значенія. Всѣ всѣ конкретныя достиженія профессиональнаго движенія все равно не перейдутъ въ коммунистическій строй: въ немъ онѣ совершенно излишни, поглотятся тѣмъ полнымъ переворотомъ общественныхъ отношеній, которыя принесетъ съ собою социальная революція. Но въ мелкихъ стычкахъ, въ повседневной борьбѣ за улучшение условій существованія закаляется воля пролетаріата къ послѣднему рѣшительному бою. Въ немъ воспитывается «классовое сознаніе», благо-

1) Срв. K a u t s k y, Klasseninteresse, Sonderinteresse, Parteiinteresse (Neue Zeit, XXI). Изъ новой литературы: G. L u c a s, Geschichte und Klassenbewusstsein, 1923.

даря чему пролетариат впервые только становится самим собою. Из чисто эмпирической общественной группы он становится метафизическим началом историй. Пользуясь Гегелевыми терминами, его въ себя — бытие возвышается до въ — себя *А* для себя — бытия *I*). Поэтому профессиональный рабочий союз сам по себе не есть организация пролетариата. Он становится таковым, лишь проинквизившись классовым сознанием, т. е. восприняв идеологию «Коммунистического Манифеста». Стоит сравнить только историю германского профессионального движения с английским или даже с французским, чтобы убедиться в громадном влиянии на него Марксовой теории классовой борьбы. Оно начинается с раскола именно потому, что последователи Маркса с самого начала требуют от профессионального союза принятия им догматов классовой идеологии, объявляя беспощадную борьбу, как буржуазным, тёмным организациям, которые, хотя и объединяют эмпирически рабочих, но идеологически не представляют собою «пролетариата». Даже много лет спустя после смерти Маркса, после выдѣления социаль — демократических профессиональных союзов в автономную, отдѣльную от с.-д. партий организацию, не требующую от своих членов явной принадлежности к партийной идеологии, правѣрные марксисты продолжали смотреть на профессиональное движение не как на организацию рабочего класса в глазах отстаивания им своих материальных и правовых интересов, а как средство воспитания в нём «классового сознания», как периферию партий. Только постепенно средство это автономизируется, и профессиональное движение, охватывая все большее число рабочих, под давлением своих собственных чисто эмпирических достижений, сбрасывает с себя первоначальное требование строгого идеологического единодушия. Идео-

1) Это лежащее в основѣ теории классовой борьбы противоположеніе эмпирическому интересу рабочих метафизическаго интереса пролетариата есть марксистская перефразировка столь характернаго для классическаго либерализма (срв. нашу статью въ «С. З.», XXII, стр. 278 сл., XXIII, 328 сл.) и Гегелемъ потенцированнаго противоположенія эмпирической (актуальной) воли народа метафизической (подлинно реальной) общей волѣ. Что это именно противоположеніе лежитъ въ основѣ какъ якобинскаго, такъ и консервативнаго отрицанія демократіи, прекрасно показалъ L. T. Hobhouse (The Metaphysical Theory of the State). Срв. также Cole, Social Theory, стр. 92. Лишнее подтвержденіе нашего положенія о тождественности философско-соціологическихъ предпосылокъ марксизма и классическаго либерализма.

логическое правовѣріе какъ бы выгибается подъ тяжестью широты объединенія и достигнутыхъ въ повседневной борьбѣ завоеваній. Метафизика вытѣсняется эмпирической реальностью 1).

Совершенно аналогичное развитіе претерпѣла и сама германская социаль - демократическая партія, какъ политическая организация. Возникшая на Эйзенахскомъ съѣздѣ въ результатъ побѣды марксистскаго правовѣрія надъ лассалевской ересью, она первоначально видѣла въ политической парламентской борьбѣ только средство пробужденія въ рабочемъ классѣ классового сознанія. Въ противоположность демократу и государственнику Лассалю, «абсолютировавшему» всеобщее избирательное право, Эйзенахскій съѣздъ объявлялъ демократію простымъ временнымъ удобнымъ орудіемъ борьбы, ни къ чему не обязывающимъ и могущимъ быть въ любой моментъ отброшеннымъ ради болѣе дѣйствительныхъ средствъ 2). Здѣсь не мѣсто излагать исторію того, какъ и это «случайное и временное» средство съ теченіемъ времени автономизировалось, подтверждая этимъ Вундтовскій за-

1) Прямо противоположнымъ путемъ шло, напротивъ, англійское профессиональное движеніе. Ограничиваясь чисто эмпирическими достижениями и стремясь прежде всего къ широтѣ объединенія, политически первоначально совершенно нейтральное, оно только въ послѣднее время стремится осознать себя идеологически, при чемъ эта намѣчающаяся идеологія, несмотря на весь свой чуждый всякому правовѣрію характеръ, до сихъ поръ остается необязательной для отдѣльныхъ членовъ союзовъ. Если въ Англіи такимъ образомъ идеологія органически вырастаетъ изъ завершающагося процесса организациіи и есть попытка осознанія эмпирически уже достигнутаго, то въ Германіи (въ значительной мѣрѣ подъ влияніемъ марксизма) она съ самаго начала навязываетъ себя эмпирической реальности, которую она претендуетъ по своему муштровать.

2) Для Энгельса (Происхожденіе семьи и т. д.) вообще избирательное право есть «только термометръ зрѣлости рабочаго класса» (Gradmesser der Reife der Arbeiterklasse). Какъ «партія переворота», социаль-демократическая партія поэтому рѣшительно противопоставляла себя всѣмъ другимъ партіямъ. И она дѣйствительно отличалась отъ послѣднихъ не только своей отрицавшей парламентскую работу тактикой, но и всѣмъ своимъ существомъ. Если М. Острогорскій справедливо усматривалъ уже существо послѣднихъ (и ихъ основной недостатокъ) въ ихъ «политической энциклопедичности» (parties-omnibus, срв. La démocratie et les parties politiques, P. 1911 г.) то социаль-демократическая партія потенцировала эту энциклопедичность до чисто догматическаго церковнаго правовѣрія. Тогда какъ всѣ другія политическія партіи ограничивались выставленіемъ программъ, разрѣшающихъ съ опредѣленной точки зрѣнія всю совокуп-

ковъ «гетерогонія цѣлей» 1). Шагъ за шагомъ «тактика» партіи становилась все болѣе гибкой, допуская послѣдовательно участіе въ рейхстагѣ и ландтагахъ, работу въ парламентскихъ коммиссіяхъ, голосованіе законопроектовъ, наконецъ, даже голосованіе бюджета и участіе въ правительствѣ. Одновременно съ этимъ партія все болѣе «лапцизовалась», объявляя послѣдовательно нейтралитетъ въ религіозномъ вопросѣ, въ національномъ и т. д., утрачивая прежнія черты догматическаго правовѣрія. Что въ самомъ марксизмѣ были зародыши и этого развитія, — это мы покажемъ ниже, такъ же какъ и какіе выводы отсюда необходимо слѣдуютъ. Сейчасъ мы остановились на этой эволюціи отъ пролетаріата, какъ отвлеченной метафизической идеи, къ рабочему классу, какъ эмпирической реальности, для того, чтобы тѣмъ рѣзче отгѣнить ту судьбу, которую претерпѣла идея пролетаріата въ большевизмѣ, этомъ наиболѣе правовѣрномъ теченіи революціоннаго марксизма.

Что «пролетаріатъ» есть отвлеченный принципъ, метафизическая идея, а не эмпирическая реальность, — это былъ исходный пунктъ тактической программы Ленина, поведшей къ образованію самостоятельной большевистской фракціи. Къ этому въ сущности сводилось его требованіе образованія партіи на строго централистическихъ началахъ, безусловнаго подчиненія мѣстныхъ организацій Центральному Комитету, управленія партіей

ность волнующихъ современность политическихъ проблемъ, программа социаль-демократической партіи обнимала всѣ вопросы міровоззрѣнія въ цѣломъ. Въ предыдущей статьѣ («Сов. Зап.» XXIII) мы показали, въ какой мѣрѣ энциклопедичность политическихъ партій (и проявляющийся въ ней «кризисъ демократіи») есть наслѣдіе разсчитанныхъ на механическую однородность общества демократическихъ учреждений, создавшихся подъ воздѣйствіемъ механической доктрины классическаго либерализма. Тотъ фактъ, что социаль-демократическая партія потенцировала эту энциклопедичность до міровоззрительнаго правовѣрія, лишній разъ подтверждаетъ наше положеніе, что, будучи прогымъ отрицаніемъ либерализма, марксизмъ раздѣляетъ всѣ его механистическія предпосылки. Вопросы общаго міровоззрѣнія, дебаты о послѣдней цѣли социализма долго служили центромъ партійныхъ конгрессовъ, на которыхъ чисто теоретическіе вопросы (вплоть до вопроса о существованіи вещи въ себѣ) разрѣшались голосованіемъ. Только послѣ десятилѣтій участія въ парламентской жизни они начали все болѣе и болѣе отгѣсняться на задній планъ вопросами практической политики.

1) Исторія эта со всей объективностью почти исчерпывающе изложена П. Новгородцевымъ въ § 6 II-ой главы его труда.

«бюрократически», по выраженію Ленина, а не «демократически», какъ этого требовали меньшевики 1). Мотивировка Ленина была съ точки зрѣнія революціоннаго марксизма совершенно послѣдовательна. Демократическое управленіе партій, говорилъ онъ, не только противорѣчитъ отрицанію демократіи марксизмомъ, но неминуемо поведетъ — при классовой бессознательности рабочаго — къ уменьшенію революціонной боеиспособности партій. Демократическое управленіе предполагаетъ, что рабочій классъ уже проникся классовымъ сознаниемъ и есть уже тотъ «пролетаріатъ», который партія должна представлять. Но на дѣлѣ это не такъ: рабочій еще долженъ быть только воспитанъ въ пролетарія, и потому Центральный Комитетъ, которому предстоитъ выполнить эту задачу, долженъ имѣть и полную власть внутри партіи. Пока есть только эмпирической рабочей классъ, а нѣтъ еще подлиннаго пролетаріата, партія не можетъ управлять демократически, а неизбежно должна управляться бюрократически, сверху, а не снизу, сознательнымъ меньшинствомъ, а не бессознательнымъ большинствомъ. Въ этомъ смыслѣ партія есть не что иное какъ «якобинство, но съ пролетарскимъ содержаніемъ». Только при такой организаціи партія она сможетъ сохранить чистоту своей программы, революционность своей идеологіи, а это есть единственный способъ для нея остаться партией пролетаріата и уберечь себя отъ «буржуазно-интеллигентскаго индивидуализма». Тѣмъ самымъ Ленинъ съ полной опредѣленностью заявляетъ, что то, что партія представляетъ, т. е. «пролетаріатъ», *есть не эмпирическая реальность фактически существующаго рабочаго класса, а нѣкая совокупность догматовъ, нѣкая единая идеологія, вѣрность которой единственно обеспечиваетъ пролетарскій характеръ партіи («идейное объединеніе принципами марксизма»).*

Ставши у власти, большевизмъ еще въ большей степени принужденъ былъ обнаружить свою якобинскую сущность. Къ этому времени создается новый характерный терминъ «авангарда пролетаріата», даже чисто словесно закрѣпляющій отвлеченно-математическій характеръ понятія пролетаріата. «Пролетаріатъ» въ этой терминологіи совершенно уже совпадаетъ съ коммунистическимъ строемъ, съ тѣмъ послѣднимъ Благомъ, осуществить которое должна социальная революція. Воспитать трудящихся въ пролетаріевъ, это нынѣ въ сущности то же самое, что осуществить коммунистическій строй. Сейчасъ «пролетаріата» еще нѣтъ, ибо сейчасъ революція переживаетъ только свой «переходный пери-

1) Срв. Шагъ впередъ, два шага назадъ, 1904.

одъ» отъ свергнутого царства капитала къ создаемому коммунистическому строю. Сейчас имѣется только «авангардъ» пролетаріата, т. е. коммунистическая партія, осуществляющая поэтому диктатуру — уже не пролетаріата, а *во имя* пролетаріата. Въ концѣ концовъ эти выраженія однозначны: пролетаріатъ, какъ отвлеченный принципъ, явно не можетъ самъ осуществлять своей диктатуры. Замѣчательно, что пролетаріатъ, какъ реальность, тѣмъ самымъ совершенно выпадаетъ: въ «переходный періодъ» его *еще нѣту*, а есть только осуществляющій диктатуру его «авангардъ»; въ подлинномъ коммунистическомъ строѣ его *уже нѣту*, ибо въ немъ нѣтъ дѣленія на классы. Это испареніе пролетаріата въ новѣйшемъ марксизмѣ¹⁾ есть простое проявленіе той метафизической отвлеченности, которая присуща была ему, какъ мы видѣли, уже въ самомъ началѣ. Нужды нѣтъ, что «пролетаріатъ» совпадаетъ тѣмъ самымъ съ «коммунизмомъ», хотя по Марксу онъ есть лишь «реальное отрицаніе капитализма». Этимъ только проявляется чисто отрицательный характеръ самаго коммунизма, отсутствие въ немъ какого-либо собственного содержания, кромѣ голаго отрицанія капитализма.

Проясненное въ большевизмѣ превращеніе партіи пролетаріата въ своего рода религіозный (точнѣе — антирелигіозный) орденъ заложено, такимъ образомъ, въ самомъ существѣ марксизма. Принципъ Блага получаетъ здѣсь свое самое яркое выраженіе. Задача диктатуры, даже самаго коммунизма — не освобожденіе конкретно существующихъ людей (эмпирическихъ рабочихъ, вообще трудящихся), даже не ихъ благополучіе, а осуществленіе въ жизни нѣкакого идеальнаго Блага, какъ совокупности определенныхъ догматовъ вѣры. Принадлежность къ партіи обуславливается поэтому не социальнымъ положеніемъ, даже не согласіемъ съ практическими цѣлями партіи, а исповѣданіемъ догматовъ. Членъ партіи долженъ признавать истиной всю ту сумму догматовъ, которая составляетъ содержаніе новаго откровенія. Онъ долженъ быть посвященъ въ эти догматы и доказать свое пра-

1) Въ большевизмѣ испареніе пролетаріата особенно явственно: разъ пролетаріатъ — отвлеченный принципъ, совокупность догматовъ, то «партія пролетаріата» можетъ опираться не только на «рабочихъ отъ станка», но и на «бѣднѣйшее крестьянство» и на «середняка» и даже на «кулака», если того потребуютъ обстоятельства. — Въ западноевропейскомъ социализмѣ «расширеніе базы» идетъ, напротивъ, въ направленіи растворенія понятія пролетаріата въ болѣе общемъ понятіи «трудящихся» съ расширеніемъ понятія труда на трудъ интеллектуальный и даже организационный. Срв. Ст. Ивановича «о резервахъ социализма» въ XXVI кн. «Совр. Зап.».

вофрiе. Съ еще большимъ правомъ, чѣмъ «якобинство съ пролетарскимъ содержанiемъ», Ленинъ могъ бы назвать свою партiю — «иезуитскимъ орденомъ съ пролетарскимъ содержанiемъ» 1). — Питаемый всецѣло, какъ мы видѣли, механической концепцiей общества, ленинизмъ тѣмъ самымъ выходитъ въ извѣстной мѣрѣ за предѣлы послѣдней. Самъ Марксъ единство пролетарiата мыслилъ еще въ терминахъ механической одинаковости. Пролетарiатъ, полагаетъ онъ, однороденъ, поскольку уничтоженiе капитализма есть одинаковый интересъ всѣхъ пролетарiевъ, то *среднее общее*, что составляетъ его подлинную сущность. Ленинизмъ опредѣленно и явно мыслить уже это общее не какъ то среднее, что фактически наличествуетъ въ каждомъ пролетарiи, не какъ сумму одинаковыхъ интересовъ, а какъ вознесенное надъ эмпирической одинаковостью единое Благо, которому отдѣльные пролетарiи должны *служить*, какъ высшему началу. Здѣсь сказалась внутренняя невозможность чисто механистическаго воззрѣнiя, мыслящаго объединенiе людей въ терминахъ чисто механической, средней одинаковости. Но это выше Благо, которое единствомъ своимъ (а не средней общностью одинаковыхъ интересовъ) объединяетъ въ ленинизмъ людей, продолжаетъ въ немъ сохранять свой чисто отрицательный характеръ. Коммунизмъ, пролетарiатъ, пролетарская культура — о всемъ этомъ можно сказать только одно, что это есть отрицанiе капитализма, его прямая противоположность. Въ немъ нѣтъ никакого *своего* содержанiя. Оно свидѣтельствуетъ только о недостаточности механизма, о необходимости его преодолѣть, но само оно преодолѣть его безсильно. Объединить людей можетъ только положительное начало, *служить* чистому отрицанiю невозможно.

Отсюда стремленiе отрицанiя замаскировать себя положительнымъ содержанiемъ. Отрицанiе, безсильное стать утвержденiемъ, пытается принять хотя бы обличiе послѣдняго. Отрицательное благо пытается *подражать* благу положительному. Коммунизмъ старается создать свою церковь, свою науку, свое искусство, даже свой «бытъ». Троцкий опять-таки чувствуетъ это острѣе другихъ и не боится послѣднихъ выводовъ 2). Воспитать человека къ труду, принудить его работать вопреки его «прирожденной лѣни» можно, только заставивъ *служить* его высшему благу. Коммунизмъ долженъ создать это благо во что бы то ни

1) Срв. превосходную характеристику комм. партiи въ статьѣ Н. С. Тимашева Die offizielle Wahrheit въ сборникѣ «Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus». В. 1925, Bd. 1.

2) Срв. его книгу о новомъ бытѣ: «Вопросы быта». М. 1924.

стало, ибо человек должен чему-нибудь поклоняться. Без поклонения нет авторитета, а, значить, и нет послушания, а без авторитета нет правоты и нет власти «сознательного меньшинства». Но созданное самим человеком благо есть не высшее начало, а рукотворный идол, так же как и созданное человеком механически общество есть не общество, а казарма. Антирелигия обнаруживает себя как простое безсильное подражание религии, как идолопоклонство, сохраняющее внешние формы религии без ее внутреннего содержания. Да и вся «пролетарская культура», воспитать к которой есть отныне последняя цель коммунизма, обнаруживается как кривое зеркало исторической культуры, как простое подражание внешним формам последней без собственного содержания. Как милитаризованное общество Троцкого есть механическое искажение настоящего общества, так и его «новый быт» есть грубая подделка под старый, органически сложившийся быт.

Пролетариат, как метафизически средняя одинаковая сущность эмпирически существующих пролетариев — пролетариат, как отвлеченная единая совокупность метафизических догматов; пролетариат, как реальное отрицание капитализма — пролетариат, как рукотворный идол, подделка под положительное Благо; освобождение трудящихся от эксплуатации и насилия — подчинение трудящихся авторитету, воспитание их в догматах нового правоты: такова диалектика неизбежного вырождения коммунизма в консерватизм, обусловленная тем, что мы выше назвали неустойчивым равновесием отрицательного Блага утопического социализма. Но будучи по самому существу своему чистым отрицанием, лишенный какого бы то ни было положительного содержания, коммунизм может усвоить только внешние формы консерватизма, только его голую технику. Эта техника слишком хорошо известна, чтобы на ней стоило здесь останавливаться. Раскол рабочего движения, разгром самостоятельных профессиональных объединений, порабощение всех трудящихся Молоху государства, уничтожение какой бы то ни было самостоятельной воли подвластных, — вся эта техника воспитания в послушании не только усвоена коммунизмом, но и подтверждена им и в досел неслыханной степени. Ибо чем меньше, чем бессодержательнее и искусственнее то благо, во имя которого вынуждается подчинение, тем сильнее торжествует техника становящегося самодовлеющим послушания. Вдвигая и консерватизм вырождается в реакцию тогда, когда историческое Благо, во имя которого власть осуществляет свое традиционное господство, окаменевает, выветривается и утрачива-

еть свое непосредственное обаяніе надъ душами людей. Но благо коммунизма съ самаго начала есть искусственное, руководѣнное благо, идолъ, созданный въ подражаніе историческому благо консерватизма. Поэтому неправильно говорить, что большевицкая диктатура расчищаетъ путь для будущей реакціи. Большевиизмъ не есть подготовка реакціи, а есть *сама реакція*, и власть его кончается въ моментъ, когда кончается власть всякой реакціи: когда идолъ облѣзетъ, обколупается, когда всѣмъ воочию станетъ ясно, что онъ есть не высшее начало, а сдѣланный самими людьми истуканъ 1).

ГЛАВА IV.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ РЕАЛЬНОГО ОТРИЦАНІЯ ВЪ ПРЕОБРАЖАЮЩЕЕ (УТВЕРЖДАЮЩЕЕ) ОТРИЦАНІЕ

10.

У Гегеля есть замѣчательная формула, касающаяся существа отрицанія: становясь реальнымъ, отвлеченное отрицаніе (*Verneinung*) имѣетъ передъ собою два пути — или выродиться въ уничтоженіе (*Vernichtung*) или стать «снятіемъ», «отмѣной» (*Aufhebung*), т. е. отрицаніемъ, одновременно утверждающимъ отрицаемое имъ, переводящимъ его на высшую ступень бытія. Эволюція социализма въ точности соотвѣтствуетъ этой Гегелевой формулѣ. Отвлеченное отрицаніе утопическаго социализма, ставъ въ марксизмѣ реальнымъ, находится какъ бы на перепутьи: отсюда неустойчивое равновѣсіе, двойственная сложность Маркова ученія. Мы прослѣдили вырожденіе марксизма въ теорію и практику «уничтоженія» и обнаружили, что даже уничтоженіе въ концѣ концовъ оказывается вынужденнымъ принять хотя бы личину какого-то положительнаго содержанія. Теперь намъ предстоитъ охарактеризовать второй

1) Срв. замѣчательную по провидѣнію характеристику Прудона: «Коммунизмъ, несчастное заимствованіе у собственнической рутины, есть отвращеніе къ труду, подавленіе мысли, смерть «я», утверженіе «ничто». Коммунизмъ въ наукѣ, какъ и въ природѣ, есть синонимъ нигилизма, нерасчлененности, неподвижности, ночи, молчанія: это — противоположность реальности, черный фонъ, на которомъ Творецъ, Богъ свѣта, нарисовалъ вселенную.» *Système des contradictions économiques*. P. Nouv. éd. 11, стр. 303.

путь: перерождение отрицания в «утверждающее отрицание», в «оттѣну». Такъ какъ отвлеченное отрицаніе утопическаго социализма направлялось противъ либеральнаго идеала правового государства и содержало въ себѣ скрытое отрицаніе хозяйства, то путь этотъ тѣмъ самымъ означаетъ постепенное нарастаніе утвержденія въ социализмъ началъ права, государства и хозяйства. Это есть путь все большаго и большаго пронизанія социалистическаго Блага началомъ Права, которому оно первоначально противопоставлялось, а тѣмъ самымъ и постепеннаго роста и расширенія отрицаемой ранѣ идеи права, «перевода ее на высшую ступень бытія».

Зародыши этого развитія имѣлись, какъ уже сказано, въ самомъ марксизмѣ, и какъ разъ въ тѣхъ частяхъ ученія Маркса, которыя наиболѣе всего испытали на себѣ вліяніе Гегелевой философіи. Марксъ воспринялъ отъ Гегеля его діалектическое ученіе о частномъ и общемъ, которое самимъ Гегелемъ было примѣнено къ его философіи исторіи, въ ученіи объ отношеніи народнаго духа къ міровому духу. Какъ извѣстно, въ философіи исторіи Гегеля отдѣльныя историческія «эпохи» различаются между собой тѣмъ, что являющійся субстратомъ исторіи «міровой духъ» раскрывается въ исторической жизни человѣчества, воплощаясь послѣдовательно въ различныхъ «историческихъ» народахъ. Каждый историческій народъ имѣетъ какъ бы свой историческій часъ; это — то время, когда въ немъ пребываетъ міровой духъ. Въ это время *частный* народный духъ являетъ *создаетъ съ общимъ* міровымъ духомъ. То, къ чему этотъ отдѣльный народъ стремится и что онъ проводить въ дѣйствительности, дабы обезпечить свое собственное существованіе и развить скрытыя въ себѣ силы, истинно и оправдано постольку, поскольку онъ тѣмъ самымъ осуществляетъ высшую цѣль, заданіе всего человѣчества въ цѣломъ, самаго міроваго духа. Въ эту счастливую для него пору этотъ особый, частный народъ развиваетъ съ наибольшей полнотой свою индивидуальность, обогащая чело-вѣчество плодами своего творчества. Но все это возможно именно потому, что, будучи болѣе всего самимъ собой, онъ имѣетъ съ тѣмъ *больше чѣмъ онъ самъ*, не есть уже онъ самъ, а есть чело-вѣчество въ цѣломъ, которое онъ представляетъ и всеобщность котораго въ себѣ содержитъ. — Эту схему Марксъ кладетъ въ основу своего пониманія исторіи какъ классовой борьбы, благодаря чему ему только и удается отграничить понятіе права отъ понятія голой силы. Каждый классъ, полагаетъ Марксъ, имѣетъ въ исторіи свой историческій часъ: въ это время господство его объективно и, слѣдовательно, справедливо, значить есть нѣ-

что большее, чѣмъ простая сила и господство. Этотъ объективный и справедливый характеръ его господства обусловливается тѣмъ, что онъ въ это время является дѣйствительнымъ руководителемъ и организаторомъ всего общественнаго хозяйства въ цѣломъ. Въ силу этого его частный классовый интересъ совпадаетъ съ общимъ интересомъ всего общества и, слѣдовательно, есть нѣчто большее, чѣмъ только классовой интересъ. Постолюку это уже не классовой интересъ, а право. Лишь послѣ того какъ центр тяжести хозяйства, первоначально пребывавшій въ данномъ классѣ, перемѣстился, и организационная функція хозяйства фактически перешли къ новому классу, классовое господство его, еще недавно бывшее «правомъ», вырождается въ голую силу. Такъ феодальное право въ существѣ своемъ было не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ господства землевладѣльческаго класса. Но поскольку въ средніе вѣка этотъ классъ былъ реальнымъ организаторомъ всей хозяйственной жизни, господство его соответствовало объективнымъ производственнымъ отношеніямъ и въ мѣру этого само было объективнымъ, т. е. было «правомъ». Оно выродилось въ простое насилие лишь послѣ того, какъ старое помѣстное дворянство превратилось въ придворное дворянство, и главнымъ факторомъ хозяйственной жизни сдѣлалась городская буржуазія. Точно такъ же новое, либеральное право, заступившее собою право феодальное и обезпечивающее классовой интересъ буржуазіи, до послѣдняго времени выражало собою общій интересъ всего общественнаго хозяйства въ цѣломъ и постолюку дѣйствительно было правомъ. Если въ настоящее время оно вырождается въ простое насилие, то это потому, что буржуазія изъ положительнаго и творческаго фактора въ хозяйствѣ все больше и больше становится ненужнымъ наростомъ на производственномъ тѣлѣ общества, скрывающимъ развитіе его производительныхъ силъ. Поэтому если пролетаріатъ выдвигаетъ нынѣ требованіе политическаго господства, то оправданіе этого требованія, сообщающее ему его общезначимый характеръ и весь его нравственный пафосъ, заключается не въ томъ, что пролетаріатъ есть угнетенный и эксплуатируемый классъ или что онъ составляетъ большинство населенія, а единственно въ томъ, что онъ къ настоящему времени сталъ «всѣмъ» въ хозяйственной жизни, что его частный интересъ совпадаетъ съ цѣлостнымъ интересомъ всего хозяйства. Болѣе того: такъ какъ пролетаріатъ есть «послѣдній» общественный классъ, то господство его означаетъ отміну всѣхъ классовыхъ различій вообще, почему дѣло его есть дѣло всего человѣчества въ цѣломъ, и право его — абсолютно справедливое право, уже не содержащее въ себѣ никакого элемента

силы или господства. Къ этому именно смыслу клонится въ рядѣ мѣсть Марксовыхъ сочиненій извѣстное намъ ученіе объ отмираніи права въ идеальномъ будущемъ строѣ. Право не отмираетъ въ немъ, но впервые *становится самимъ собою* (какъ наука и искусство), поскольку оно будетъ выражать общій интересъ всего общества. «Отомрутъ» только моменты насилія въ правѣ, т. к. нѣтъ того новаго класса, куда могъ бы еще разъ перемѣститься центръ хозяйственной жизни.

Мы видимъ, что ученіе Маркса о правѣ представляетъ собою сложное цѣлое, въ которомъ отрицательное и положительное пониманіе права непрерывно борются другъ съ другомъ. Оно все время колеблется между обоими полюсами отрицанія и утвержденія. Коммунизмъ, особенно въ томъ выраженіи, какое онъ получалъ въ ленинизмѣ, есть не что иное, какъ послѣдовательное проведеніе заложеннаго въ марксизмѣ чисто отрицательнаго пониманія права. Вытравивъ изъ марксизма все «идеалистическіе пережитки», Ленинъ съ особенной силой формулировалъ механической и просвѣтительскій мотивъ его. Напротивъ, нетрудно показать, что вскрытый нами идеалистическій мотивъ въ марксизмѣ неминуемо долженъ привести къ признанію самостоятельности права и его положительной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если право не есть отраженіе и орудіе классового господства, но отличается отъ простой силы тѣмъ, что оно есть обезпеченный силой классовой интересъ, который однако есть нѣчто большее, чѣмъ классовой интересъ, а именно интересъ всего общественнаго хозяйства въ цѣломъ, то, значить, право выполняетъ объективную и положительную функцію, которая, поскольку она еще не выродилась, придаетъ ему даже характеръ *справедливаго* права 1) Болѣе того: т. к. хозяйство, которое есть реальная база духовной культуры (права, нравственности, науки, искусства), отъ этой послѣдней получаетъ какъ разъ свою цѣнность, то значить — право, будучи обезпеченнымъ силой интересомъ хозяйства, есть въ конечномъ счетѣ не что иное, какъ обезпеченный силой интересъ «духовной надстройки», въ томъ числѣ тоже нравственности и самаго права. Но этимъ, значить, признано, что право не есть простое орудіе силы, а есть нѣчто самостоятельное, кроющееся въ себѣ нѣкоторую собственную, внутреннюю законность. Тѣмъ самымъ первоначальное отрицаніе въ кон-

1) Срв. напр. *Kapital*, III. 324: «Содержаніе это справедливо, поскольку оно соответствуетъ способу производства (*Produktionsweise*), адекватно ему. Оно несправедливо, какъ только оно ему противорѣчитъ».

цѣ концовъ перекидывается въ утверждѣніе, хотя бы и выраженное чисто тавтологически. Въ виду важности этого хода мысли мы сформулируемъ его вкратцѣ еще разъ въ слѣдующихъ положеніяхъ : 1) нѣтъ никакого самостоятельнаго, обладающаго собственной законмѣрностью права, но всякое право есть не что иное, какъ *отраженіе и орудіе классового господства*, т. е., сила; 2) однако, отъ голыи силы право отличается тѣмъ, что классовой интересъ, который оно выражаетъ и обезпечиваетъ, есть не простой классовой интересъ, а *превышающій его интересъ всею общественнаго хозяйства въ цѣломъ*; значить, въ существѣ своемъ, право есть обезпеченный силой интересъ хозяйства; 3) но такъ какъ хозяйство есть не что иное, какъ реальная база духовной культуры (въ томъ числѣ права, правды, науки и искусства), то значить, право есть въ слѣднемъ счетѣ *обезпеченный силой интересъ всей культуры въ цѣломъ* (въ томъ числѣ и самаго права). Если эта упирющаяся въ тавтологію (право есть интересъ права) діалектика въ самой марксистской литературѣ и не была явно формулирована, то она безъ сомнѣнія лежитъ въ основѣ всѣхъ тѣхъ теоретическихъ и практическихъ слѣдствій, которыми тактика, программы и общій духъ современныхъ социалистическихъ партій отличаются отъ коммунистическихъ теорій и практики.

Если у самаго Маркса этотъ идеалистическій ходъ мысля выражается только въ отдѣльныхъ разсѣянныхъ замѣчаніяхъ и намекахъ, будучи всецѣло заглушенъ отрицающимъ самостоятельность права экономическимъ матеріализмомъ¹⁾, то тѣмъ

1) Соответствующія мѣста изъ Марксовыхъ сочиненій, на которыя преимущественно ссылаются нынѣ марксистскіе представители демократическаго социализма, были недавно исчерпывающимъ образомъ сопоставлены и подвергнуты анализу А. Браунталемъ (А. Braunthal, Karl Marx als Geschichtsphilosoph, 1920), пришедшимъ къ слѣд. выводу: «духовная надстройка у Маркса ведетъ также и свое собственное существованіе (ein Eigenleben); въ известномъ смыслѣ она, слѣдовательно, есть не только слѣдствіе экономического базиса и не только обусловлена послѣднимъ, но есть также сама причина, по крайней мѣрѣ можетъ быть причиной измѣненій, происходящихъ въ ней самой» (стр. 165). Стоитъ только сопоставить съ этимъ утверждѣніемъ хотя бы слѣдующую типичную для Маркса цитату изъ «Критики Готской программы» (какъ известно, Марксъ обвинялъ послѣднюю, и справедливо, въ лассалейнизмъ), чтобы убѣдиться въ томъ, насколько гегелианизмъ Маркса былъ заглушенъ у него вліяніемъ Фейербаха: «Нѣмецкая рабочая партія — по крайней мѣрѣ, если она приметъ эту программу — обнаруживаетъ, насколько неглубоко сидятъ въ ней социалистическія идеи. Въмѣсто того, чтобы трактовать

болѣе яркое выраженіе свое онъ получилъ у Лассала. Подлинный и глубокий философізмъ Лассала препятствовалъ ему мыслить отрицаніе механистически, какъ чистое отрицаніе. Идея утвержденія рабочимъ классомъ духовныхъ цѣнностей и самостоятельнаго бытія послѣднихъ была поэтому у него не риторическимъ приѣмомъ, а дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, придававшимъ проповѣди его отличавшій ее нравственный и правовой пафосъ. Хозяйство есть реальная основа всей духовной культуры. Но именно потому, говоритъ Лассаль, частный классовый интересъ пролетаріата, совпадающій въ наше время съ интересомъ хозяйства, есть интересъ самаго Духа. Дѣло пролетаріата справедливо и священо только потому, что это есть не его особое дѣло, но дѣло всей культуры, самаго человечества, какъ такового. Развитие капиталистическаго хозяйства заводитъ его въ тупикъ, въ которомъ все хозяйство гибнетъ вслѣдствіе развѣдающей его анархii, ведущей къ небывалому расточенію производительныхъ силъ. А это ведетъ къ процессу вырожденія и науки и искусства, вообще всей духовной « надстройки ». Поэтому борьба, которую пролетаріатъ объявляетъ старому міру, имѣетъ цѣлью своею не проведеніе въ жизнь частнаго пролетарскаго интереса (такой классовый интересъ быть бы ничуть не лучше классового интереса буржуазіи), а сохраненіе и усовершеніе хозяйства и побѣду возвышающагося надъ нимъ Духа. Пролетаріатъ призванъ поэтому не « разбить » государство (по формулѣ Маркса), а, напротивъ, освободить идею государства и права отъ того *уменьшенія*, которое она испытываетъ въ эпигонскомъ либерализмѣ. « Цѣль государства не заключается въ томъ, чтобы только охранять индивиду его личную свободу и собственность, съ которыми онъ, согласно идеѣ буржуазіи, якобы вступаетъ уже въ государство. Цѣль государства заключается, напротивъ, въ томъ, чтобы, благодаря этому объединенію, поставить отдѣльныхъ индивидовъ въ состояніе достигать такіа цѣли, такую степень существованія, которой они, какъ индивиды, никогда не могли бы достигнуть, дать имъ возможность достичь такой суммы образованія, мощи и свободы, которая для нихъ всѣхъ, какъ индивидовъ, были бы безусловно не достижимы ». Въ этомъ именно состоитъ « идея государства рабочаго сословія », которую Лассаль и противопостав-

существующее общество (а это относится и ко всякому обществу) какъ основу (Grundlage) существующаго государства (или будущаго для будущаго общества), она напротивъ трактуетъ государство какъ самостоятельное существо, обладающее своими собственными духовными, нравственными, свободными основами ».

лечь либеральной « идеѣ ночного сторожа », въ сущности вполнѣ раздѣляемой Марксомъ и характеризуемой имъ въ слѣдующихъ словахъ : « если бы буржуазія была послѣдовательна, то она должна была бы признать, что, согласно ея воззрѣніямъ, если бы не было разбойниковъ и воровъ, и государство вообще было бы совершенно излишне ». На дѣлѣ государство есть « единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ », истинное призваніе котораго заключается « въ развитіи рода человѣческаго въ направленіи къ свободѣ ». Въ этомъ заключается « нравственная природа государства, его истинное и возвышенное предназначеніе ». « И въ дѣйствительности государство ю всё время, самой силой вещей, даже безсознательно, даже вопреки желанію своихъ руководителей болѣе или менѣе служило этой цѣли ». « Если идея рабочаго сословія станетъ господствующей идеей государства, то это только приведетъ *въ сознание* и сдѣлаетъ *сознательной* цѣлью общества то, что всегда было непознанной органической природой государства. Такова великая преемственность и единство всякаго человѣческаго развитія ; здѣсь не появляется ничего совершенно новаго, здѣсь всегда лишь приводится *въ сознание* и осуществляется свободной волей то, что искони, само по себѣ, было уже безсознательно — дѣйствующей органической природой вещей ». 1).

Въ этой классической по ясности мысли формулѣ реальное отрицаніе Марксоева социализма явно перерождается въ *утверждающее отрицаніе*, т. е. въ отрицаніе только временной формы идеи при утвержденіи ея сверхвременнаго бытія. Все глубокое отличіе Лассалля отъ Маркса заключается не въ томъ, что онъ признавалъ всеобщее избирательное право, демократическія средства борьбы, былъ большимъ реалистомъ и эмпирикомъ, а въ томъ, что онъ признавалъ самостоятельность духовнаго бытія, самобытность развивающейся сообразно своему внутреннему закону *идеи права*. Все остальное было только слѣдствіемъ этого основного *утвержденія*. Пусть онъ, слѣдуя Гегелю, былъ, на наше нынѣшнее ощущеніе, чрезмѣрнымъ государственникомъ. Пусть утвержденіе имъ идеальной сущности права всецѣло сосредоточивалось для него въ утвержденіи идеи *государства*, какъ « вѣковѣчнаго священнаго огня цивилизаціи ». Лассалль

1) Все значеніе заключающейся въ этихъ замѣчательныхъ словахъ теоріи прогресса можетъ быть оцѣнено нами только ниже, срв. § 17. Кроме « Программы работниковъ », изъ которой взяты приведенныя цитаты, см. еще « Наука и работники » и « Открытое отвѣтное письмо Ц. К. . . »

явился все же для социализма тѣмъ переломнымъ пунктомъ, въ которомъ отрицаніе права перешло въ его утвержденіе. Въмѣстѣ съ Прудомъ, разглядѣвшимъ чисто отрицательный характеръ коммунизма, его голое ничто и реставрировавшимъ положительную идею хозяйства 1), онъ вывелъ социализмъ на новый путь, путь утвержденія и положительной творческой работы, одновременнаго признанія и правъ эмпирической дѣйствительности, каждагодневнаго « мелкаго дѣйствія », и сверхэмпирической реальности идеи, объемяющей всѣ временныя акты въ своей вѣковѣчной дѣлности. Все послѣдующее развитіе социализма есть поэтому не что иное, какъ постепенная и неуклонная побѣда духа Лассаля надъ духомъ Маркса, сначала безсознательная и невольная, а нынѣ уже свободно и принципиально признанная. И это въ равной мѣрѣ относится какъ къ « государственнической » нѣмецкой социаль - демократіи 2) и социализму Жореса, такъ и къ « антигосударственному » французскому синдикализму, вѣдше какъ бы реставрировавшему Маркса противъ Жореса, а на дѣлѣ завершившемуся синтезомъ Прудона и Лассаля.

11.

Въ двухъ направленіяхъ шло послѣдовательное и неуклонное признаніе социализмомъ самобытности идеи права, превращеніе первоначальнаго ея *голаго отрицанія* въ марксизмѣ въ требованіе *расширенія* идеи права и ея *внутренняго перерожденія*. Одно изъ этихъ направленій есть путь *демократическаго социализма*, или реформизма. Мыслимая первоначально какъ одно изъ средствъ классовой борьбы, демократія постепенно становится въ немъ специфическимъ средствомъ осуществленія социализма, такъ что самый социализмъ въ концѣ концовъ мыслится какъ завершеніе и исполненіе демократіи. Второе направленіе есть путь *синдикализма*. Отвергая демократію даже какъ средство, синдикализмъ мыслитъ классовую борьбу какъ чисто экономическую борьбу рабочаго класса, который параллельно государству и игнорируя его, создаетъ свои собствен-

1) См. ниже § 12.

2) Итоги этой побѣды Лассаля надъ Марксомъ внутри нѣмецкой (и австрійской) социаль-демократіи исчерпывающе изложены у П. Новгородцева (гл. II, § 6 6) и у Кельзена, Marx oder Lassalle (Archiv f. d. Geschichte d. Sozialismus, XI/8, стр. 261-298).

ныя учрежденія, постепенно отнимающія у государства и у представляемаго имъ класса капиталистовъ всѣ ихъ хозяйственныя функціи. Соціализмъ мыслится тѣмъ самымъ какъ завершеніе и исполненіе профессиональной самоорганизации пролетаріата, какъ результатъ сосредоточенія въ ней всѣхъ организующихъ хозяйство силъ. И тамъ и здѣсь побѣждаетъ идея права, *примѣняемая въ первомъ случаѣ къ государству, во второмъ — къ хозяйству, которыя*, черезъ это соприкосновеніе съ правомъ, восстанавливаются сами въ своей самобытности и цѣнности. Въ обоихъ случаяхъ научная связь съ вскрытымъ нами только что идеалистически-гегельянскимъ мотивомъ въ марксизмѣ очевидна. Достоинство и сила классового интереса пролетаріата, разсуждаетъ реформизмъ, заключается въ томъ, что онъ сталъ носителемъ права. Это значить, что классовой интересъ пролетаріата совпадаетъ съ интересомъ народа въ цѣломъ, т. е., съ интересомъ государства. А отсюда слѣдуетъ, что развитіе государства въ направленіи дальнѣйшаго пронизанія его правомъ есть единственный путь осуществленія социализма. Внутреннее развитіе демократическихъ учреждений приводитъ къ тому, что государство все болѣе и болѣе выражаетъ интересы трудящихся массъ и тѣмъ самымъ становится тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ оно только притязало быть — выразителемъ общей воли всего народа. Иначе, но аналогично разсуждаетъ и синдикализмъ. Классовой интересъ пролетаріата совпадаетъ съ интересомъ хозяйства въ цѣломъ. Это выражается въ томъ, что къ экономическимъ органамъ пролетаріата во все большей степени переходятъ организующія хозяйство функціи. Поэтому классовыя организациі пролетаріата во все большей степени являются источникомъ права. Внутреннее развитіе синдикалистской организациі есть поэтому не что иное, какъ послѣдовательное пронизаніе хозяйства правомъ. Соціализмъ и явится исполненіемъ и завершеніемъ «промышленной демократіи». Онъ есть не что иное, какъ автономія хозяйства, т. е. подчиненіе его тому новому порядку, который, имѣя своимъ источникомъ организацию производителей, выражаетъ интересъ всего хозяйства въ цѣломъ и потому есть новое право.

Эта параллельность развитія демократическаго социализма и синдикализма въ направленіи идей цѣлостности (цѣлостность государства и хозяйства) и права (пронизаніе государства и хозяйства правомъ) была затушевана первоначальной революціонной идеологіей синдикализма, остріе которой было даже специально направлено противъ реформизма. Отсюда въ частности то въ корнѣ неправильное освѣщеніе, которое эволюція синдикализма

получила въ трудѣ П. И. Новгородцева 1). Синдикализмъ не есть противоположное реформизму теченіе, развивающее до конца революціонный моментъ въ марксизмѣ, какъ изображаетъ его Новгородцевъ, а параллельный реформизму процессъ перерожденія идеи класса въ идею превышающей его цѣлостности (хозяйства) и тѣмъ самымъ возстановленіе идеи права. Прежде, чѣмъ однако перейти къ болѣе подробному доказательству этого положенія, необходимо напомнить основные этапы въ эволюціи демократическаго социализма. Мы можемъ здѣсь быть особенно краткими, потому что эта именно эволюція вполне правильно и съ достаточной полнотой изложена въ трудѣ Новгородцева.

Первымъ такимъ этапомъ является выработка *особой программы — минимумъ*, которая по своей идеѣ стоитъ въ прямомъ противорѣчьи къ программѣ — максимумъ, продолжающей служить убѣдительно марксистской догмы. П. Новгородцевъ убѣдительно вскрылъ лассалевское происхожденіе программы — минимумъ, включающей въ себя въ первую очередь чисто политическое преобразование государства въ направленіи радикальнаго демократизма 2). Отвергнутая какъ *цель социализма*, Лассалевская «вѣрноподданническая вѣра въ государство» (Марксъ) была однако всецѣло воспринята программой — минимумъ нѣмецкой социаль-демократіи. Марксъ и Лассаль какъ-бы подѣлились между собой обѣ программы, причемъ примиреніе обихъ произошло съ помощью категорій цѣль — средства. Не будучи цѣлью социализма, демократическое государство есть однако *необходимое средство* осуществленія послѣдняго. «Наша партія и рабочій классъ, говорить уже по поводу проекта Эрфуртской программы Энгельсъ, можетъ придти къ господству только при наличіи формы (демократической) республики. Эта послѣдняя есть даже специфическая форма диктатуры пролетаріата» 3). У ортодоксальныхъ марксистовъ (вродѣ Бебеля и Каутскаго) мысль эта обосновывалась съ помощью теоріи «хозяйственной зрѣлости» капиталистическаго строя для социальной революціи. Въ механистическомъ ракурсѣ здѣсь получила свое выраженіе идея цѣлостности, которую только Лассаль понималъ въ ея под-

1) Ц. с. гл. 2, § 7.

2) Ц. с. гл. 2, § 6.

3) Въ подлинникѣ Энгельса (Neue Zeit, XX Jahrg., I, 8, 11) стоитъ просто «республики», а не «демократической республики» какъ не точно цитируетъ Каутскій (Demokratie oder Diktatur 1919). Однако, изъ всего контекста явно, что Э. имѣетъ въ виду именно демократическую республику. Такъ толкуетъ его и Куновъ. (ц. с. I, 330).

линовомъ органически - идеалистическомъ смыслѣ. Экономическая зрѣлость въ отношеніи социалистической революціи означаетъ до предѣла дошедшую «аккумуляцію» капитала и, значитъ, завершившійся процессъ пролетаризаціи подавляющаго большинства населенія. Механика всеобщаго избирательнаго права должна отразить этотъ экономическій процессъ безусловной политической побѣдой социаль - демократіи, какъ партіи пролетаріата. Демократическій строй такимъ образомъ самъ собою приведетъ къ завоеванію государственной власти, классовый интересъ пролетаріата будетъ дѣйствительнымъ интересомъ подавляющаго большинства общества. Поэтому и диктатура пролетаріата, будучи господствомъ подавляющаго большинства надъ незначительнымъ меньшинствомъ, будетъ имѣть « форму демократіи », а потому не будетъ въ сущности диктатурой. Напротивъ, преждевременная социалистическая революція, принужденная принять форму настоящей, антидемократической диктатуры, неизбѣжно окончится реакціей — въ виду невозможности « править противъ хозяйства », сохраняющаго еще капиталистическое строеніе общества. Каутскій и Бебель отсюда дѣлали выводъ о будущемъ характерѣ социалистической революціи. Осуществленіе программы — минимумъ, т. е. чисто демократическихъ реформъ должно автоматически передать власть въ руки пролетаріата. Соціальная революція не нуждается поэтому, вообще говоря, въ насильственномъ переворотѣ и можетъ произойти вполне мирнымъ путемъ, « въ формѣ демократіи ». Если все же слѣдуетъ ожидать противнаго, то только потому, что буржуазія, чтобы сохранить свое классовое господство, окончательно лишившееся своего былого объективнаго содержанія, сама рѣшится на государственный переворотъ. Соціальная революція, какъ политическая революція, будетъ собственно не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ ставшаго всѣмъ народомъ пролетаріата на попытку буржуазіи упразднить демократическую конституцію и установить чисто классовую диктатуру. Всѣ политическія революціи въ сущности начинались съ переворота съ верху и имѣли своимъ исходнымъ лозунгомъ не столько созданіе новаго права, сколько возстановленіе исконно дѣйствовавшаго права. Ибо, непрерывно отражая эволюцію общественныхъ отношеній, даже устарѣвшія формы права, внутренне перерождаясь, служатъ на пользу новому объективному содержанію хозяйственной жизни. Право есть такимъ образомъ по крайней мѣрѣ

столько же орудіе классового угнетенія, какъ и орудіе восходящаго класса за свое освобожденіе 1).

Въ той самой мѣрѣ, въ какой признанное въ качествѣ специфическаго средства классовой борьбы право демократическаго государства принимало въ сознаніи демократическаго социализма все болѣе и болѣе реальный характеръ, вывѣтривалось содержаніе тѣхъ понятій марксистской догмы, на которыхъ покоилось отрицаніе права и государства, какъ самостоятельныхъ, реальныхъ факторовъ общественной жизни. Сюда относятся въ первую очередь теорія катастрофы и теорія обвиненія. Для Маркса развитіе отъ капитализма къ социализму есть чисто механический процессъ количественной аккумуляціи капитала. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ усиленія классового антагонизма, превращеніе общества въ два стана, столь же противоположныхъ другъ другу, сколь однородныхъ внутри себя. Уничтоженіе классового антагонизма представляется тѣмъ самымъ неизбѣжно въ видѣ катастрофы, соціальной революціи, путь къ которой въ свою очередь необходимо мыслится какъ возрастающая пролетаризація населенія, т. е., обвиненіе. Отсюда отрицаніе возможности какихъ бы то ни было реальныхъ улучшеній въ положеніи рабочаго класса до катастрофы, признаніе единственной цѣлью политической и экономической борьбы рабочаго класса ростъ классового сознанія, т. е. усиленіе процесса пролетаризаціи. Вся

1) «Оказалось, что государственныя учреждения, въ которыхъ организуется господство буржуазии, также могутъ послужить орудіемъ для борьбы рабочаго класса противъ этихъ самыхъ учреждений». (Введеніе Энгельса къ *Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850* Маркса. Изд. 1895 г., стр. 12). — Срв. Каутскій. Соціальная революція (нѣм. подл. 1902 г.). Его же *Die Diktatur des Proletariats* 1918; *Demokratie oder Diktatur*, 1919; *Parlamentarismus und Demokratie* (4-е изд. 1922). На этой еще Энгельсомъ дозволенной интерпретаціи марксизма въ сущности и останавливается русский меньшевизмъ. Представляя собой самое отсталое въ теоретическомъ отношеніи теченіе внутри современнаго социализма, онъ не идетъ дальше чисто количественнаго оправданія демократіи и не видитъ тѣхъ выводовъ, которые необходимо слѣдуютъ даже изъ этой наиболее бѣдной и элементарной формы идеи цѣлостности. Что въ послѣднее время статистика начинаетъ и ему открывать глаза на сокрытыя здѣсь проблемы, давно уже поставленныя освободившимися отъ марксистскаго правовѣрія социалистами, показываютъ развиваемыя Вл. Войтинскимъ въ его капитальномъ трудѣ «Весь мѣръ въ цифрахъ» (Б. 1925 г.) и въ статьяхъ въ журналѣ «*Die Gesellschaft*» (1925, № 5 и 8) соображенія. Срв. интересную статью Ст. Ивановича «О резервахъ социализма» (С. 3. XXVI).

эволюція марксистской догмы отъ метафизики къ реальности есть послѣдовательный отказъ отъ обѣихъ этихъ теорій. Бернштейнъ только сказалъ вслухъ то, что имплицитно было признано всей практикой демократическаго социализма. Въ этомъ отношеніи особенно интересны возраженія Каутскаго Бернштейну, со времени спора о ревизионизмѣ поставившаго какъ бы своей жизненной задачей истолкованіе Марксовой теоріи въ духъ приспособленія ея къ прямо противоположной практикѣ демократическаго социализма. Теорію обнищанія, говоритъ Каутскій, « слѣдуетъ разумѣть какъ тенденцію, а не какъ абсолютную истину; ее слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: капиталъ долженъ стремиться къ тому, чтобы увеличивать свою прибавочную цѣнность и соответственно съ этимъ дѣлать все болѣе обѣдненнымъ положеніе пролетаріата... Но Марксъ самъ указалъ на противо-дѣйствующее стремленіе, онъ самъ былъ однимъ изъ сборниковъ охраны труда и однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ значеніе рабочихъ союзовъ. Онъ доказалъ, такимъ образомъ, что тенденція къ обнищанію абсолютно необходима, но что она не ведетъ съ абсолютной необходимостью къ угнетенію рабочаго » 1). *Обнищаніе*, какъ и катастрофа, есть такимъ образомъ не реальность, а потенція, только *возможность обнищанія*, какъ въ разложившемся эмпиризмѣ знаніе есть уже не воспріятіе, а возможность воспріятія, и какъ у Лассала классовый интересъ есть уже не классовый интересъ, а интересъ хозяйства, права и государства, вообще всей культуры въ цѣломъ.

Это вывѣтриваніе реальности въ простую возможность свидѣтельствуется съ особенной силой о томъ, что первоначальныя *средства борьбы* (демократическія и социальныя реформы программы - минимумъ), развивая свою собственную присущую имъ логику, все болѣе и болѣе оттѣсняють на задній планъ послѣднюю цѣль (соціальную революцію программы - максимумъ), которой они должны бы были только служить. Не простая подготовка къ неминуемой въ будущемъ соціальной революціи, а послѣдовательное « вращеніе въ будущее соціальное государство », не пожертвованіе настоящимъ ради лучшаго будущаго, а « прежде всего и въ первую очередь надежда на лучшее настоящее », — таковы новыя лозунги, выражающіе процессъ *автономизации средствъ и одновременнаго вывѣтриванія послѣдней цѣли*. Известная формула Эд. Бернштейна « конечная цѣль есть ничто, движеніе — все » только подводитъ итогъ этому процессу.

1) Протоколы Любекскаго Съѣзда. Цитир. у Новгородцева, стр. 289.

Обыкновенно на ревизионизм смотрят как на отказ от основных положений марксистского социализма в пользу либерально-демократической теории государства. Такого мнѣния не только ортодоксальных марксистов, но и многих «буржуазных» исследователей марксизма, в том числе и П. И. Новгородцева. И это бесспорно верно. Но столь же бесспорно и то, что самый тот способ, которым в ревизионизме демократическія средства («движеніе») побѣдили социалистическую цѣль, свидѣтельствует скорѣе о бессилии и для ревизионизма преодолѣть марксистскую догму. Ревизионизм не только слишком мало марксистиченъ. Онъ въ такой же мѣрѣ *слишкомъ много данъ отдаетъ еще догмѣ марксизма*. Въ самом дѣлѣ между средствами и цѣлью у него сохраняется старое механистическое отношеніе. Окончательное признаніе демократіи какъ средства остается бессильнымъ преобразовать пониманіе цѣли социализма, которая продолжаетъ мыслиться въ старыхъ терминахъ (огосударствленіе средствъ производства) и только отодвигается въ безконечную даль какъ предѣлъ повседневной практической дѣятельности реформистскаго характера. П. И. Новгородцевъ прекрасно показалъ 1), что между Бернштейномъ и Каутскимъ различіе не такъ уже велика, ибо и для послѣдняго социализмъ есть лишь «конечный предѣлъ практическихъ дѣйствій» партіи. Все различіе сводится въ сущности только къ тому, что Каутскій, какъ теоретикъ, стремится приспособить старую догму къ новой практикѣ. Бернштейнъ же, видя ненужность этого для практики и невозможность этого въ теоріи, ограничивается одной практикой. Оба они признаютъ, что социализмъ возможенъ только въ «специфической формѣ демократіи», что, слѣдовательно, онъ есть въ такой же мѣрѣ наследникъ капитализма, какъ и *наследникъ либерализма*. Однако, самую демократію, съ одной стороны, и социализмъ, съ другой, они мыслятъ по прежнему въ старыхъ терминахъ, будучи бессильны установить между средствами и цѣлью новое органическое взаимоотношеніе. Поэтому ревизионизмъ не даетъ никакой новой *теоріи* социализма. Онъ есть лишь осознаніе крушенія старой теоріи и несогласованности ея съ новой практикой, которая началась до него и которую онъ принимаетъ какъ фактъ. Отсюда эклектичность половинчатость ревизионизма, просто реставрирующаго идею демократическаго государства въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее мыслить новый, «соціальный» либерализмъ. Но вѣдь, и ограниченность правовѣрнаго марксист-

1) Тамъ же, стр. 293 сл.

ма заключалась, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ вполне раздѣлялъ либеральную теорію права и государства, довольствуясь поэтому чисто механическимъ ихъ отрицаніемъ.

Это особенно ясно видно на тѣхъ попыткахъ теоретическаго обоснованія ревизионизма, которыя вызвали въ Германіи обширную литературу, извѣстную подъ именемъ *этического социализма*. Во всѣхъ этихъ попыткахъ, старающихся примирить Маркса съ Кантомъ, социализмъ окончательно уже опредѣляется не какъ имѣющій наступить въ действительности эмпирической порядокъ, а какъ завѣдомо - неразрѣшимая до конца идея личности и общества въ Кантовомъ смыслѣ слова. Идея социализма есть «идея автономіи личности, освобожденіе всѣхъ отъ какого бы то ни было принужденія и какого бы то ни было внѣшняго авторитета, социальной справедливости для всѣхъ, признанія и уваженія человѣческаго достоинства каждаго индивида, осуществленія равнаго права для всѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ, или формулируя это въ одномъ понятіи, — идея общности» 1). Какъ мы видимъ, это есть все та же идея «общности свободно хотящихся людей», которую выставлялъ и Штаммлеръ какъ регулятивную идею всякаго справедливаго права. Формулированная въ такой общности идея социализма даетъ действительно нѣкоторую возможность сочетать Канта съ Марксомъ, поскольку, какъ мы показали, и правовѣрный марксизмъ, отрицая идею автономіи для всей внѣшней исторіи, имплицитно признавалъ ее для того царства свободы, которое имѣетъ наступить въ истинномъ коммунизмѣ послѣ переходнаго періода пролетарской диктатуры 2). Но социализмъ въ такомъ пониманіи становится именно «ничѣмъ», какъ *опредѣленный* историческій порядокъ, превращается въ безконечно - удаленную и до конца не разрѣшимую идею *всего историческаго движенія человечества* на пути ко все болѣе совершеннымъ формамъ общественнаго бытія. Отрицаются теорія катастрофы, теорія обнищанія, теорія диктатуры пролетариата, реабилитируются право и государство, какъ реальные и положительные факторы общественной жизни, признается реальное положительное значеніе демократическихъ и социальныхъ реформъ, съ помощью которыхъ происходитъ «вращеніе современнаго строя въ будущее социальное государство», но самое это государство, какъ исторически обусловленная форма общественнаго бытія, остается совершенно неопредѣ-

1) Срв. напр. Kranold, Zwang und Freiheit im Sozialismus 1925. Стр. 21.

2) См. выше § 6.

леннымъ въ своихъ конкретныхъ чертахъ и тѣмъ болѣе неопредѣленнымъ, чѣмъ болѣе вывѣтриваются привычныя формулы марксизма и чѣмъ болѣе идея социализма обобщается до этическаго апіорнаго принципа *всякаго* справедливаго порядка. Отрицая фатализмъ какъ натуралистическую теорію общественнаго развитія, ревизионизмъ и обосновывающій его этический социализмъ продолжаютъ однако практически раздѣлять фатализмъ, поскольку считаютъ, что дальнѣйшее развитіе капитализма, съ одной стороны, и демократическаго государства, съ другой, *само собой* приведетъ къ какому то новому порядку, представлять который въ конкретныхъ чертахъ значило бы «заниматься утопической живописью». Но вѣдь и фатализмъ правовѣрнаго марксизма былъ лишь проявленіемъ себя сознавашаго чистаго отрицанія, способнаго лишь представлять себѣ будущій строй, какъ прямо противоположный настоящему, но безсильнаго мыслить его конкретно 1).

Особенно ярко это безсиліе реформизма выйти за предѣлы марксистскаго пониманія социализма и либерально - демократической концепціи права и государства проявляется у Жореса, никогда въ сущности не бывшаго правовѣрнымъ марксистомъ. Обратной стороной безусловнаго отрицанія либеральной идеи правового государства являлось въ марксизмѣ столь же полное признание капитализма, какъ хозяйственнаго строя. Коммунизмъ устраняетъ только правовую форму капитализма (*отношенія собственности*), наследуя всю его хозяйственную природу («индустріализмъ»). Мѣняется механически собственникъ, остается неизмѣнной сама собственность. Или, какъ говоритъ Жоресъ, «коллективизмъ не представляетъ собою экономической революціи; онъ является частнымъ случаемъ капиталистической системы, — такою формою ея, въ которой, путемъ слиянія капиталиста и рабочаго, наемная плата за капиталъ сведена къ нулю» 2). Идя далѣе по пути отказа отъ утопизма, реформизмъ, въ отличіе отъ коммунизма, эту самую идею наследованія распространяетъ и на государственную - правовую надстройку. Социализмъ, говоритъ Жоресъ, наследуетъ также и демократическое правовое государство 3). Но и это послѣднее мыслится сохраняющимъ свою вынѣдную структуру. Простое завоеваніе его парламентарнымъ путемъ «сведетъ» и здѣсь

1) Срв. выше § 7.

2) Срв. Organisation sociale. Revue sociale, 1895, VII, стр. 153.

3) Срв. Bernstein et l'évolution de la méthode socialiste, 1900 (перепеч. въ Pages choisies 1922).

«къ нулю» тотъ моментъ классоваго угнетенія, который оставался въ немъ, пока оно было въ рукахъ буржуазіи.

Что реформизмъ *только ограничивается простой реабилитацией демократическаго государства*, не ставя совсѣмъ вопроса о томъ, не ведетъ ли эта реабилитация къ *новымъ формамъ демократіи* и, значитъ, къ преобразованію структуры государства, это ясно видно изъ тѣхъ сужденій о государствѣ, которая въ полномъ согласіи другъ съ другомъ высказываютъ нѣдѣшніе теоретики австрійской и нѣмецкой социаль - демократіи. Такъ, Карль Реннеръ уже рѣшительно отвергаетъ марксистское пониманіе государства, какъ простаго орудія въ рукахъ буржуазіи, высказывая мысль, что государство есть нѣчто «высшее». «Идро социализма», говоритъ онъ, «уже сейчасъ заложено во всѣхъ учрежденіяхъ капиталистическаго государства». «Государство начинаетъ во все преобладающей мѣрѣ служить пролетаріату, тогда какъ только хозяйство служитъ еще исключительно классу капиталистовъ». «Государство становится рычагомъ социализма» 1). То же самое утверждаетъ и К. Каутскій, впрочемъ по прежнему ставящій своей задачей доказать, что этотъ новый взглядъ на государство ничуть не противорѣчитъ марксистской догмѣ. Смыслъ теоріи «отмиранія государства» заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что отмираютъ только *современныя формы* государства и «разбивается» только «*опредѣленная форма* государственнаго аппарата», именно «*бюрократически - милитарный*» государственный аппаратъ 2). Какая государственная форма ставится на мѣсто послѣдняго, Каутскій не говоритъ. Ограничиваясь повтореніемъ Энгельсовыхъ словъ о «*демократической республикѣ*, какъ о специфической государственной формѣ осуществленія социализма», онъ не выходитъ за предѣлы тѣхъ чисто демократическихъ требованій, которые предложены были въ Эрфуртской программѣ и въ сущности еще раньше Лассалемъ. Эту связь съ Лассалемъ уже совершенно явно и опредѣленно подчеркиваетъ такой видный и въ общемъ ортодоксальный марксистъ, какъ Куновъ. Противопоставляя въ своей послѣдней книгѣ 3) понятіе о государствѣ Лассала классовой теоріи государства Маркса и Энгельса, онъ прямо говоритъ: «Развитіе государства приняло поэтому иное направленіе, чѣмъ то, которое мыслили, находясь подъ вліяніемъ либерально-анархическихъ теченій времени, Марксъ и Энгельсъ. Государство

1) Срв. *Marxismus, Krieg und Internationale*, 1917. Къ этимъ словамъ вполне присоединяется и Куновъ (ц. с., I, 341).

2) Срв. *Die proletarische Revolution und ihr Programm*, 1922.

3) Цит. с., I (1921) стр. 319, 341.

не становится излишним; оно не утрачивает, как полагает Энгельс, все большую часть своих вышших функций в пользу общества, но напротив берет на себя все новые социальные задачи и через это расширяет свой аппарат управления». На место капиталистического государства «становится на основѣ новаго общественнаго порядка новое, болѣе развитое государство: социалистическое хозяйственное и административное государство (Wirtschafts-und Verwaltungsstaat)». Новая форма государства заключается, такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ развитіи хозяйственныхъ функций государства и функций управления, такъ же какъ и въ отмирании его бюрократическаго и милитарнаго характера. Воплощъ правъ поэтому Кельзенъ, когда, излагая эту новую эволюцію во взглядахъ бывшихъ марксистовъ на государство, онъ выражаетъ ее въ формулѣ «назадъ къ Лассалю» 1).

Однако, именно эта формула, совершенно правильная для перечисленныхъ выше авторовъ, показывасть теоретическое безсиліе реформизма. Марксистское отрицаніе государства сбѣгается въ немъ его рѣшительнымъ утвержденіемъ. Лассаль окончательно и безповоротно побѣждаетъ Маркса. Но дальше Лассалья реформизмъ въ сущности не идетъ. Онъ мыслить новое социалистическое государство въ тѣхъ же терминахъ чисто количественнаго накопленія демократическихъ и социальныхъ реформъ съ сохраненіемъ всей привычной структуры современнаго демократическаго государства. Между тѣмъ априори слѣдовало бы ожидать, что, ограниченный условиями своего времени, Лассаль не могъ учесть тѣхъ громадныхъ измѣненій въ структурѣ самаго общества, которыя произошли за послѣдніа три четверти вѣка и которыя должны были получить свое отраженіе въ новой идеѣ государства. Реформизмъ поэтому представляеть собою полный аналогонъ новому либерализму. Какъ половинчатость послѣдняго объясняется чрезмѣрной зависимостью его отъ старой либеральной (механистической) концепціи общества 2), такъ и половинчатость перваго происходитъ отъ остатковъ въ немъ механистической социологіи марксизма. Оба видять необходимость новаго пути, но безсилы вступитъ на этотъ путь. Это особенно явно видно на примѣрѣ Бауэра, который еще въ 1917 г. рѣзко выступилъ противъ «австрійско-патриотической идеологіи» К. Рейнера, въ настоящее же время употребляетъ не мало эрудиціи и остроумія, чтобы, вслѣдъ за Каутскимъ, согласовать марксистскую догму съ послѣвоенной государственнической практикой социаль-демократіи. Въ своей «исто-

1) Срв. ц. выше статью «Marx oder Lassale».

2) Срв. нашу статью въ «С. З.» XXIII, 313 сл.

рив австрійской революціи» 1) онъ признаетъ, что австрійская республика (не только при коалиціонномъ правительствѣ, но и нынѣ) есть не классовое государство, а «народная республика», «потому что классы принуждены были здѣсь дѣлится между собою государственную власть». Здѣсь не было господства одного класса надъ другимъ «съ помощью государства», но было «равновѣсіе классовыхъ силъ». Дѣятельность государства была «равнодѣйствующей силъ всѣхъ классовъ общества». Пытаясь доказать, что уже Энгельсъ развивалъ аналогичный взглядъ на государство, Бауэръ реставрируетъ въ сущности ново-либеральную теорію государства 2). Правда, Бауэръ при этомъ продолжаетъ утверждать, что это равновѣсіе не устойчиво, что подъ его покровомъ классовая борьба продолжаетъ обостряться и въ концѣ концовъ приведетъ къ пролетарской революціи. Но, какъ остроумно замѣчаетъ Кельзенъ, Бауэръ этимъ только «переписываетъ на неопредѣленный срокъ вексель, однажды выданный имъ марксистской теоріи государства 3). Въ одномъ лишь мѣстѣ Бауэръ выходитъ за предѣлы традиціонной демократической теоріи государства. Это тамъ, гдѣ онъ говоритъ о «функциональной демократіи». Всѣ правительственныя мѣропріятія социаль-демократическіе члены правительства предварительно обсуждали совместно съ заинтересованными пролетарскими организаціями. Правительство тѣмъ самымъ стояло подъ контролемъ «гражданъ, объединенныхъ и расчлененныхъ согласно профессіямъ, т. е. согласно ихъ общественной и хозяйственной функціи». Но, вѣроятно потому, что лежащее въ основѣ «функциональной демократіи» органическое пониманіе общества въ корнѣ противорѣчитъ механистической социологіи марксизма, понимающей пролетариатъ какъ все болѣе и болѣе унифицирующую массу, Бауэръ не дѣлаетъ отсюда никакихъ выводовъ относительно специфической структуры будущаго, социалистическаго, государства. Не дѣлаетъ онъ этого даже и въ своей противъ большевизма направленной книжкѣ, гдѣ идеѣ отрицающей демократію диктатуры противопоставляется идея «диктатуры демократіи» 4). Выступая здѣсь всецѣло апологетомъ англійскаго гильдейскаго социализма, онъ не сознаетъ, насколько этотъ послѣдній противоположенъ марксизму и тѣмъ самымъ выходитъ уже за предѣлы простого реформизма.

Этой критикой мы отнюдь не хотимъ умалить положительнаго

1) Otto Bauer. Die österreichische Revolution, 1923.

2) Срв. нашу статью въ «С. З.» XXII, стр. 290 сл.

3) Цит. статья, стр. 288.

4) Bolschevismus oder Sozialdemokratie, 1920. Стр. 113.

значенія реформизма. Значеніе его громадно, и оно прежде всего заключается въ томъ, что *право и государство*, первоначально признававшіяся только какъ орудія классовой (хотя бы и пролетарской) борьбы, *окончательно поняты какъ самозаконные, реальные и вечные факторы общественнаго бытія*. Въ нецѣлкомъ социализмѣ эта мысль была еще до войны въ совершенно ясной и недвусмысленной формѣ высказана Жоресомъ и Макдональдомъ. «Есть социалисты, говоритъ Жоресъ, которые утверждаютъ: безцѣльно развивать непосредственно существующую демократію, бороться за референдумъ и т. д., ибо истинная демократія будетъ только тогда, когда люди будутъ управлять сами вещами... Нѣтъ, говорю я: это не совершенный методъ; именно потому, что демократія, церковь, наука имѣютъ свою собственную логику, свою *внутреннюю собственную закономерность*, свою собственную силу развитія, мы должны воздѣйствовать непосредственно на эти силы» 1). Государство не можетъ отмереть, говорить, какъ бы продолжая мысль Жореса, Макдональдъ, ибо въ теченіе всей своей исторіи «государство, повинувшись безъ сомнѣнія существующимъ силамъ и господствующимъ интересамъ, дѣйствовало не только какъ евнухъ, должность котораго должна быть упразднена культурой, но какъ органъ, выполняющій функцію, которая въ организованномъ обществѣ *всегда* должна быть выполняема какой - нибудь инстанціей безотнositельно къ тому, кто распоряжается государственной властью». «При господствѣ социализма государство не только не умретъ, какъ выражался Энгельсъ, но напротивъ приобрететъ органическій характеръ и такое значеніе въ обществѣ, которое будетъ гораздо болѣе импозантнымъ, чѣмъ то, котораго оно могло достигъ при режимѣ индивидуалистическаго хозяйства и основаннаго на конкуренціи производства» 2). Это значитъ, что классовая борьба не порождаетъ, а только ограничиваетъ государство. У него есть своя логика, своя закономерность развитія. Социализмъ не только есть необходимое слѣдствіе и усовершеніе *капиталистическаго хозяйства*, но — въ самостоятельномъ ряду государственно - правового развитія — онъ есть также слѣдствіе и усовершеніе *демократическаго государства*. Тѣмъ самымъ реформизмъ не только порываетъ съ экономическимъ матеріализмомъ и выводитъ всѣ слѣдствія изъ того идеалистическаго мотива мысли, который не могли не признавать вѣрныи сами Марксъ и Энгельсъ, но и порываетъ окон-

1) Bernstein et l'évolution de la méthode soc. (Pages choisies, 1922, стр. 385, 369 и др.).

2) Socialism and Government, 1912.

чательно съ утопизмомъ, пытавшимся, какъ мы знаемъ, классовою теоріей государства и права. Отрицаніе послѣднихъ смѣняется ихъ утвержденіемъ. Но въ самомъ реформизмѣ утверженіе это пока еще не способно сочетать самого себя съ отрицаніемъ, т. е. понять государство и право въ ихъ расширенной, принципиально новой формѣ. Подобно тому, какъ правовѣрный марксизмъ мыслить социалистическое хозяйство, какъ чисто механически видоизмѣненное капиталистическое хозяйство (какъ его «частный случай» по слову Жюреса), такъ и реформизмъ мыслить социалистическое государство какъ только *завоеванное пролетариатомъ* то же самое демократическое государство. Но если въ правовѣрномъ марксизмѣ указанное тождество затушевывалось утопическимъ отрицаніемъ государства и права, то реформизмъ все болѣе принужденъ колебаться между лозунгами простого «завоеванія» демократіи и ея преобразенія. Значеніе синдикализма въ томъ и состоитъ, что, намѣтивъ черты новой концепціи социалистическаго хозяйства, онъ расчистилъ тѣмъ самымъ путь и для новой теоріи государства.

С. I. Гессенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)